

К. М. ТАХТАРЕВ
Профессор Социологии Петербургского Университета

Т24

ОБЩЕСТВО
И ЕГО МЕХАНИЗМ

(К ПОНИМАНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ)

160389

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
КООПЕРАТИВНЫЙ СОЮЗ
„КООПЕРАЦИЯ"
ПЕТЕРБУРГ — 1922

Другие труды автора.

К. Тар. (К. Тахтарев).—Первобытное общество. Этнологосоциологическое исследование. С предисловием М. М. Ковалевского. Отдельное Приложение к жур. „Научное Обозрение". Пет. 1903 г.

К. М. Тахтарев.—Основные ступени развития обществ. (Курс лекций генетической социологии, читанн. в Русской Высшей Школе Общественных Наук в Париже в 1904—5 академ. г.). С предисловием М. М. Ковалевского. М. 1905. (Книга сожжена).

— От представительства к народовластию. К изучению новейших стремлений политического развития современного общества. Пет. 1907 г. Печатается новым изданием. Госуд. Изд.

— Очерки по истории первобытной культуры. С предисл. М. М. Ковалевского. Москва. 1907. 2-е издание. М. 1912.

— Главнейшие направления в развитии социологии. (Социологические очерки, помещ. в журн. „Соврем. Мир", 1910 г.).

— Современное Государство. (Помещ. в XI томе „Итогов Науки". Книги XXXIV и XXXV). Москва. 1915.

— Социология как наука. (Введение в общий курс социологии, чит. в Психо-Невролог. Институте и на Высших Курсах П. Ф. Лесгафта). Пет. 1916.

— Общество и Государство и закон борьбы классов. Пет. 1918.

— Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы. Пет. 1918.

— Наука об Общественной жизни. Опыт изучения Общественной жизни и построения социологии. Петроград. 1920 г. Изд. „Кооперация".

Р. П. № 172. Тираж 4000 экз.

Военная Типография Штаба Р.-К. К. А. (Площадь Урицкого, 10).

I.

Об обществе и об общественном человеке.

Понятия, как и люди, имеют свою судьбу и нередко очень превратную. Примером может служить понятие „общество".

Как в общежитии, так и в науке, это понятие встречает к себе самое различное отношение. Одни считают понятие „общество" самым необходимым и важным общественным и социологическим понятием. Другие, наоборот, об'являют его не заслуживающим никакого внимания, понятием, совершенно отжившим свой век, понятием, которое давно следует выкинуть из обихода, сдать в архив.

В общежитии мы употребляем слово „общество" в самых различных значениях. То мы обозначаем им определенный, более или менее узкий или широкий круг людей, говоря: „он из хорошего общества", „светское общество" и т. д. В данном случае под словом „общество" мы понимаем определенную общественную среду. То, говоря о каком нибудь потребительном, образовательном, артистическом, научном обществе или об обществе взаимопомощи, об обществе взаимного страхования и т. д., мы понимаем под словом „общество" ту или иную форму организованного общения известного числа лиц, об'единившихся и сорганизовавшихся в какой нибудь общественный союз с целью достижения определенных целей. То, наконец, мы употребляем то же самое слово „общество" в несравненно более широком смысле слова и говорим о феодальном, буржуазном или капиталистическом обществе, которое включает в себя не только тот общественный класс, по имени которого оно называется, но и другие общественные классы и группы, входящие в состав данного народа или нации. В данном случае под словом „общество" мы подразумеваем народ или нацию, т.-е. большое и всеоб'емлющее общественное целое, которое включает в себя все самые различные общественные группы, на которые распадается данный народ или нация.

Подобное же различное понимание общества видим мы и в социологической науке. В данном случае общество понимается то как общественный союз договорного характера, то как ка-

кой-то общественный организм или „сверхорганизм“, то, как та или иная форма общения людей, общения, порождающего соответствующее общественное сознание, наличность которого и свидетельствует о существовании общества.

Несомненно, что всякое общество предполагает известное общение людей, без которого и помимо которого оно не может существовать. Однако, не всякое общение есть общество. Случайное общение людей еще не есть общество, хотя некоторые и готовы видеть общество во всякой толпе людей, в силу каких бы причин она ни собралась. Но, на самом деле, даже постоянное и организованное общение людей с целью удовлетворения тех или иных потребностей может быть названо обществом лишь в том узком и ограниченном, чисто обывательском смысле, в каком мы называем обществом всякое профессиональное или потребительское общество. Впрочем, даже и чисто обывательское, житейское понимание общества, как определенного круга людей или определенной общественной среды, требующей от всех, входящих в нее, определенного поведения, предполагает несколько более широкое представление. Оно предполагает известного рода жизнь сообща, плодом которой является необходимое уподобление друг другу всех людей определенного круга, как неизбежное следствие их продолжительной жизни сообща.

Действительно, всякое общество, какое бы мы ни взяли, всегда бывает плодом жизни сообща некоторой совокупности людей. Эта жизнь людей сообща проявляется в самых разнообразных формах их общения друг с другом с целью удовлетворения самых различных потребностей и совместного обеспечения жизни общими силами. Примерами такой жизни сообща могут служить все формы человеческих обществ, какие только мы можем наблюдать, изучая все известные нам общества и весь ход общественного развития человечества.

Племя, народ, нация, как простейшая, малая, так и великая и самая сложная по своему составу, одинаково бывают плодом жизни людей сообща. Чтобы понять это, стоит только присмотреться к истории развития любого народа или нации, если не племени. Возникновение племени, правда, нам почти так же мало известно, как и происхождение так называемого первобытного общества. Но вопрос о происхождении человеческого общества, можно сказать, вовсе не имеет для нас того важного значения, которое придают ему некоторые общественные мыслители. Дело в том, что мы не знаем человека, который не жил бы в обществе, и не имеем достаточных оснований, чтобы говорить о каком то, некоторыми социологами допускаемом, дообще-

ственном состоянии людей. Мы считаем существование человеческого общества фактом, явлением изначальным и считаем возможным с несравненно большим правом говорить о первоначальном, первобытном, полустадном или даже стадном человеческом обществе, чем предполагать существование какого то первоначального и первобытного дообщественного состояния людей. Согласно с представлением об изначальном существовании человеческого общества, мы вполне естественно называем человека общественным существом, которое вне общества не может ни существовать, ни развиваться. Мы знаем хорошо, что каждый человек может вполне удовлетворить все свои потребности лишь с помощью труда и общения с другими людьми. Никаких других средств жизни не существует. И даже жизнь на счет других, даже эксплоатация и борьба невозможны без общения с другими.

Известно, что каждый человек во всех областях своей жизни по необходимости бывает участником самых различных форм общения с другими. Так, в экономической жизни он является сотрудником и членом общины хозяйственной, производительной, распределительной и потребительной. В своей генетической жизни, брачной и семейной, он обыкновенно оказывается таким же естественным участником общения брачного и семейного, членом семейной общины. В своей психической жизни, эстетической, умственной и нравственной, он удовлетворяет свои потребности с помощью эстетического, умственного или нравственного общения с другими и бывает членом какой нибудь воспитательной или образовательной общины или соответствующего учреждения, общества ученых, религиозной общины и т. д. То же самое касается и политической стороны жизни. Каждый человек, принимающий в ней участие, бывает по необходимости членом общины политической, членом какой нибудь политической группы, партии, фракции и проч. Одним словом, во всех областях своей жизни любой человек оказывается по необходимости участником общения того или иного рода, оказывается живущим сообща с другими, является настоящим сообщественником, сотрудником, семьянином, единоверцем, единомышленником, согражданином. Таким образом, каждый человек всегда представляет собой то, что называется общественным человеком, представляет собой определенный общественный тип (земледельца, ремесленника, предпринимателя, судью, правителя, гражданина, ученого...), который может существовать лишь при условии необходимого общения с другими людьми и жизни с ними сообща. Именно как таковой, как неизбежный участник жизни сообща и различных видов общения, как неизбежный член

общества, как сообщественник, любой человек и служит предметом социологии и считается своего рода социальным атомом.

Понятие о жизни сообща есть самое основное, исходное общественное понятие. Из него вытекает и наше понятие об обществе и наше понятие об общественном человеке, который всегда и всюду бывает неизбежным участником жизни сообща и членом общества. В основе нашего понимания жизни сообща лежит представление о необходимости общения людей с целью удовлетворения ими их различных потребностей сообща. Это общение может ограничиваться какою-нибудь одною стороной жизни, какою-нибудь одною областью или группою определенных потребностей и делать жизнь всех участников этого рода общения самодостаточною в отношении удовлетворения данного рода потребностей. Или общение может распространяться на все стороны жизни сообща и делать совместную жизнь известной совокупности людей, живущих сообща, в большей или меньшей степени самодостаточною во всех отношениях. Такова в большей или меньшей степени бывает жизнь каждого самостоятельно существующего племени или народа, живущего своею особою племенною или национальною жизнью и представляющего собою самодостаточную совокупность личностей, т.-е. такую совокупность сообща живущих личностей, которая обладает достаточными силами и средствами для совместного обеспечения всех сторон своей жизни, всех потребностей членов данного племенного или национального общества, соплеменников или соотечественников. Эту самодостаточную совокупность личностей, об'единенных жизнью сообща, мы и называем обществом в широком социологическом смысле этого слова, все равно, будет ли это какое-нибудь незначительное, но самостоятельно живущее племя, или какая-нибудь маленькая нация или народ, или хотя бы и весьма большое и сложное национальное общество весьма сложного, разноплеменного и даже многонародного состава.

II.

Относительная общественная самодостаточность, как необходимое условие возникновения, существования и исчезновения любой формы человеческого общества.

Определяя любое человеческое общество, как самодостаточную совокупность личностей, об'единенных жизнью сообща, мы видим в его самодостаточности необходимейшее условие его самостоятельного существования. Каждое человеческое общество может существовать и жить своею самостоятельною жизнью лишь до тех пор, пока

оно самодостаточно в большинстве отношений совместной жизни своих членов. Лишь только совокупные силы и средства членов данного общества становятся недостаточны для обеспечения тех или иных их потребностей, и они вынуждаются с целью удовлетворения этих потребностей входить в общение с членами других обществ, это показывает, что данное общество в известных отношениях становится уже несамодостаточным и может вполне обеспечить потребности своих членов лишь входя в те или иные сношения с другими обществами, вступая в общение с ними. Всякое развитие внешнего обмена и необходимость всякого рода союзов и сношений, в какие вынуждены вступать различные общества с целью обеспечения своего существования, указывают на потерю ими самодостаточности в тех или иных отношениях. По мере того, как она обнаруживается и дает себя чувствовать, общение между членами различных обществ учащается, и эти общества становятся в зависимость друг от друга. Так, маленькие племенные общества или племена, по мере развития междуплеменных сношений и заключения всяких союзов, начинают все в большей и большей степени зависеть друг от друга и об'единяются. По мере того, как усиливается их общение и растет их зависимость друг от друга, они становятся частями какого-то большего самодостаточного общественного целого.

Этот процесс образования новой, более сложной формы человеческого общества, новой, более сложной и самодостаточной совокупности людей можно наблюдать как на примере об'единения кочевых племен, так и оседлых, как на примере об'единения вечевых земель, так и на примере об'единения различных феодализованных земель, княжеств и королевств. Наглядным и поучительным примером в этом отношении мог бы служить и оборонительный союз шести племен северо-американских индейцев, так называемая Лига Ирокезов, блестяще описанная, еще в XVII веке, иезуитом Лафито, а впоследствии Льюисом Морганом. Не менее наглядным примером могут служить и вечные союзы вечевых земель Швейцарии, так называемая Конфедерация Серых Союзов, или Граубюндены, равно как и конфедерация вечевых земель Валлиса и многих других стран. История всех племен и народов самых различных рас изобилует примерами подобного рода межплеменных союзов, которые свидетельствуют об известной несамодостаточности племен, входящих в эти союзы с целью самообороны, и, вместе с тем, указывают на возникновение более сложного и разнородного общественного целого, каким оказываются племена, сливающиеся постепенно друг с другом в единый народ. Подобно первоначальным племенам и вечевым

землям, об'единяются в свое время и различные феодализованные земли, всякие племенные княжества и королевства. Недостаточно сильные, чтобы существовать самостоятельно, их повелители поневоле ищут или взаимной поддержки, или защиты более могущественного государя, отдаются под его покровительство, „становятся под его высокую руку", делаются его вольными слугами, признавая его верховную власть или суверенитет и уступая ему даже верховные права на собственные владения. Тогда их владения, т.-е. эти феодализованные земли, княжества и королевства, теряют свою независимость и делаются частями более самодостаточного государственного целого. Так на месте существования целого ряда самостоятельных когда-то вечевых земель, княжеств и королевств повсюду возникало более значительное феодальное государство. Их властители, становясь под власть более могущественного государя, делаясь его слугами, постепенно теряли свое прежнее значение государей для своих владений. Их слуги становились тоже слугами их общего государя, его подданными, образуя одно служилое сословие, состоящее из ряда слоев. Крестьяне, закрепощенные различными феодальными властителями, становясь под непосредственную власть единого наследственного правителя и его правящего совета феодалов, в свою очередь, сливались в единое крепостное сословие. То же самое происходило и с горожанами, с жителями городов, бывших первоначально владениями различных феодальных властителей, делавшихся современем слугами какого-нибудь великого князя или короля. Купцы и ремесленники различных городов, подобно крестьянам различных феодальных владений, сливались в единое сословие горожан. Так на почве об'единения феодализованных земель и городов возникало более сложное и самодостаточное феодальное государство имеющее сословный характер.

Таким образом в свое время в Англии, путем об'единения различных феодализованных земель и вечевых англо-саксонских королевств под властью наиболее могущественного английского государя, возникли английское и шотландское сословные государства. Так во Франции об'единение подобных же княжеств, герцогств и королевств привело к образованию целого ряда сословных государств, которые постепенно вошли в состав единой сословной французской монархии. Подобным же образом в свое время происходило и об'единение различных русских земель и княжеств под высокой и сильной рукой великого князя московского, приведшее к образованию единого сословного Московского государства. Точно так же слагалось сословное государство и в других странах и в другие времена, как в глубокой древности, так и в сравнительно более

новое время. А в наши дни примером подобного образования большого и в известной степени самодостаточного сословного государства, слагающегося на почве об'единения меньших феодальных княжеств, окончательно переставших быть самодостаточными, может служить современная Абиссинская империя, верховный правитель которой носит весьма показательное наименование „негус негусти", что значит князь князей, т.-е. просто на-просто великий князь, каким был в свое время великий князь московский.

Но население различных феодализованных земель и княжеств, потерявших возможность существовать самостоятельно и вошедших в состав более великого и самодостаточного государственного целого, долгое время и во многих отношениях продолжает жить своею местною обособленною жизнью, пока в деревнях господствует еще натуральное хозяйство и недостаточно развит обмен даже между жителями отдельных городов. Лишь постепенно и весьма медленно, по мере развития всевозможных форм сношения и общения между жителями различных местностей, вошедших в состав данного сословного государства, население его начинает жить общею жизнью. Общение населения различных местностей проявляется не только в виде обмена необходимейшими произведениями сельского хозяйства, ремесл и промышленности, но и произведениями умственной, художественной и религиозной деятельности людей, с целью удовлетворения своих духовных потребностей с помощью обмена чувствами, понятиями, верованиями, сказаниями, песнями, плясками и проч. Местами сосредоточения этого обмена служат места больших народных сборищ, ярмарок, празднеств, привлекающих покупателей и продавцов, странствующих купцов, певцов, рассказчиков из самых различных местностей. Этому же об'единению способствуют и собрание народных ополчений и образование постоянного войска, в состав которого входят тоже жители самых различных местностей. По мере развития общения между ними, их участия в общественном сотрудничестве, распространения между ними общих верований и понятий, все они в известной степени начинают жить единою общею жизнью, и разноплеменное население начинает об'единяться и сливаться в единый большой народ или нацию. И все, что способствует усилению этой жизни сообща всего разноплеменного населения данной страны, все, что заставляет его жить действительно единою общею жизнью,—все это неизбежно ускоряет процесс образования нации. Великие общественные движения, и в особенности великие общественные перевороты, народные революции, заставляющие все население жить самою напряженною общею

жизнью, переживать одни и те же великие исторические события, имеют в данном случае особо важное значение для ускорения и завершения этого процесса окончательного сложения больших наций.

III.

Великие революции и сложение великих наций.

Достаточно указать несколько примеров образования больших наций, чтобы стало вполне очевидным то значение, какое в данном отношении имеют все общественные движения, охватывающие сколько-нибудь значительные массы населения.

Первое проявление национального чувства в Англии можно отнести ко времени борьбы английских баронов с английскими королями за свои сословные вольности и права. Эта политическая борьба за права увлекла не только английских баронов. В ней приняли участие и английские горожане, купцы и ремесленники Лондона. Эта борьба до известной степени заставила все участвовавшие в ней общественные сословные группы временно жить весьма напряженною общею политическою жизнью, и эта жизнь конечно, не могла не отразиться на общественном самочувствии и самосознании представителей различных участвовавших в ней сословий. Особенно сильное влияние, конечно, она оказала на общественное сознание крупных баронов, которые, главным образом, и вели эту борьбу с королем, стремясь к аристократической олигархии. Но развившееся на почве этой политической борьбы национальное чувство ограничивалось весьма немноголюдными верхними слоями английского населения. Оно не проникало вглубь. Народные массы еще очень долгое время продолжали жить своею местною обособленною жизнью. Да и сами английские феодалы, об'единившиеся для борьбы с наседавшею на них королевскою властью, тоже были еще далеки от сознания себя членами единого национального общества. Последующие феодальные войны показали достаточно убедительно, насколько еще жива прежняя обособленность различных феодальных владений, бывших прежде самостоятельными феодальными государствами. Эту местную обособленность английского населения не смогли уничтожить даже великие народные движения раскрепощающихся ремесленников и крестьян во второй половине XIV века, народные восстания Уота Тайлора, религиозная революция Джона Виклефа и лоллардов, социалистическое движение Джона Болла, охватившее почти всю Англию. Даже во времена Елизаветы и Шекспира общею национальною жизнью жили очень немноголюдные верхние

слои английского населения. Чувство единого, общего отечества, идея английской нации существовали лишь в головах немногих образованных ее представителей. Правда, развитие торговых сношений, уничтожение прежней экономической обособленности городов и сел, пуританская революция, охватившая широкие массы английского населения, постепенно об'единяли его в общих чувствах и переживаниях, постепенно сливали его в единое национальное целое. Но этот процесс развивался довольно медленно, вплоть до великой английской революции XVII века, которая как бы завершила собой предшествовавшую ей духовную пуританскую революцию и до известной степени совершилась под ее знаменем. Великая английская революция, начавшаяся великой гражданской войной, разделила всю Англию на два враждебных лагеря. Она растянулась на целые два десятилетия. Впродолжение более двадцати лет она заставила все население Англии переживать самым напряженнейшим образом одни и те же великие исторические события. Около пяти лет Англия находилась в состоянии гражданской войны, которая втянула в себя все слои английского населения, начиная с его верхов, до самых его низов. Впродолжение всего этого времени все население Англии, самые широкие народные массы, волновалось одними и теми же чувствами, переживая события, которые захватили собой не только Англию, но и Шотландию и даже Ирландию. А за этими великими историческими событиями последовали другие, имевшие не меньшее историческое значение: превращение Англии из наследственной монархии, поддерживаемой земельною аристократией, в пуританскую республику, в диктатуру Кромуэла, поддерживаемую революционной армией, в лице совета ее депутатов. Эта английская советская республика Кромуэла просуществовала целых десять лет. В течение этого времени все население Англии жило, чувствуя на себе железную руку Кромуэла, об'явленного Протектором или Защитником „Общественного Блага“ Англии, как называлась организованная Кромуэлом английская советская республика. Все эти события достаточно убедительно дали почувствовать всем слоям английского населения, всем его общественным группам, что они живут одною общею национальною жизнью и связаны единою общею историческою судьбой. Все это заставило и широкие народные массы, вовлеченные в общий водоворот жизни, поневоле проникнуться тем общенациональным сознанием, которое до того времени было свойственно лишь одним высшим, господствующим слоям населения. Прежде только они одни участвовали в политической жизни страны, теперь в ней приняли самое непосредственное участие все слои населения. Их начавшаяся жизнь сообща имела

своим неизбежным последствием те общие чувства и понятия, которые мы называем национальными. Обособленное островное положение Англии и ее обособленная жизнь, ставшая во время революции еще более обособленной от жизни всех других стран материковой Европы, еще более способствовали развитию этого национального чувства. Его появление свидетельствовало об окончательном превращении Англии в единое национальное общество, в единую великую нацию.

Такое же значение имела и Великая Французская Революция для окончательного сложения французской нации. Французское национальное общество, подобно английскому, было естественным плодом жизни сообща всего населения страны. И так как эта общая жизнь всего населения Франции развивалась медленно и очень долгое время проявлялась очень слабо и почти не давала себя чувствовать, то и население Франции весьма долго не чувствовало и не могло себя чувствовать единым народом, хотя французское государство и возникло, подобно английскому, очень давно и уже существовало целые века.

Французское государство, подобно английскому, очень продолжительное время было насильственным об'единением целого ряда феодализованных земель и сословных обществ, потерявших свою прежнюю самодостаточность и независимость. Таковы были и сословная Нормандия, и сословная Бургундия, и Лотарингия, и Дофине, и Франш-Конте, и Наварра, бывшие когда то самостоятельными государствами. Их населения в значительной степени продолжали жить своею прежнею обособленною местною жизнью очень долгое время после того, как все эти земли были об'единены под принудительною властью королей единого французского государства, французской сословной монархии. Это единое государство было, конечно, весьма непрочным об'единением земель и народов, которые существовать самостоятельно уже не могли, а настоящею жизнью сообща еще не начали жить. Развитие обмена и торговых сношений между различными городами и местностями Франции, равно как и развитие крупной промышленности, долгое время было настолько слабо, что о едином народном хозяйстве не приходилось и говорить, если не считать таковым государственное хозяйство французского короля. Правда, и во Франции, время от времени, происходили крупные исторические события, которые, казалось, касались жизни всего населения Франции. Таковы были крупные войны, которые велись французскими государями с соседними государствами. Таковы были восстания феодального сословия и крестьян, возникавшие в самых различных частях Франции и охватывавшие неодно-

кратно значительную часть ее территории. Таковы были религиозные движения, переносившиеся из одной части страны в другую. Однако, всего этого было, повидимому, еще недостаточно, чтобы заставить все население Франции начать жить единою жизнью сообща и слить его в одну нацию. Этот процесс сложения единой французской нации продолжался очень долгое время. И даже еще накануне Великой Французской Революции Франция, по свидетельству Мирабо, была ничем иным, как далеко еще не установившимся собранием отдельных народов. И на самом деле, целый ряд фактов свидетельствовал об этом самым наглядным образом.

Великую Французскую Революцию обыкновенно представляют, как единое общественное движение, которое об'единило всю Францию. Таковым она в конце концов и стала. Но вряд ли правильно будет сказать, что таковым она была с самого своего начала. Она проявилась в целом ряде общественных движений, происходивших в самых различных частях Франции, которые были когда-то отдельными королевствами, герцогствами, графствами, управлявшимися их государями и сословными собраниями, так называемыми провинциальными штатами. Перестав быть самодостаточными и самостоятельными, они стали составными частями более значительного и самодостаточного государственного целого, находившегося под властью короля всей Франции. Но первый вихрь великой революции, который потряс эту власть, одновременно как бы вдунул новую жизнь и в те сословные общества, которые вошли в состав французской сословной монархии. Революционные события, происшедшие в 1789 году в столице Франции, в различных местностях Франции отразились весьма своеобразно. Так, в Нормандии местная знать провозгласила верховные права прежнего Нормандского герцогства. В Наварре вспомнили о существовании независимого королевства Наваррского. В Бургундии заговорили о королевстве Бургундском. Заговорили и так называемая провансальская нация, и беарнская, и лотарингская. Но все это были в лучшем случае лишь пережитки и воспоминания старых порядков, которые были окончательно уничтожены великою народною революцией. Дело в том, что революция, окончательно раскрепостившая население Франции, провозгласила народное самоуправление, которое проявилось на местах в стремлении к автономии. Была провозглашена во Франции и идея федерации. Но революционный вихрь, исходивший из Парижа, увлек всю Францию и заставил все ее население начать жить единою общею политическою жизнью, переживать одни и те же великие исторические со-

бытия, которые следовали одно за другим с головокружительной быстротой. Правда, деспотическая власть революционного Конвента встретила сопротивление во многих местностях Франции и привела к местным восстаниям под знаменем федерализма. Но волны этого, до известной степени, контр-революционного движения, грозившего одно время захлестнуть всю Францию, были смяты несравненно более сильными и высокими волнами победоносной революции, которая скоро превратила всю Францию в один сплошной революционный костер. Созыв Генеральных Штатов в Париже, взятие парижским населением Бастилии, бегство короля, Учредительное Национальное Собрание, суд над королем, его низложение, всенародная казнь короля, провозглашение Франции республикой, демократическая конституция 1793 года, борьба различных политических партий и общественных групп, гражданские войны, революционный террор победивших крайних партий, Термидорская революция, буржуазная республика 1795—1799 г.г., Директория, Консулат,—все эти события, стремительно следовавшие одно за другим со сказочной быстротой, буквально не давали опомниться французскому населению и заставляли самые широкие массы французского народа в течение целого десятка лет жить одною и тою же общею жизнью и волноваться одними и теми же чувствами. Плодом этой напряженнейшей жизни сообща всего населения Франции было его окончательное слияние в единую великую нацию, которая до Великой Французской Революции существовала лишь в просвещенных умах представителей высших слоев французского населения, а во время революции проявилась и в общественных чувствах и понятиях самых широких народных масс. Таким образом, с полным правом можно сказать, что Франция начала свою великую революцию, будучи каким то далеко еще не вполне сложившимся, насильственным об'единением целого ряда народов, целого ряда национальных обществ различной величины, а вышла из этой революции единым сплоченным национальным обществом, которое, если и не разилось, то во всяком случае окончательно сложилось лишь во время Великой Французской Революции.

Подобное же явление мы наблюдаем в настоящее время и в России. Подобно Англии и Франции, и даже в еще большей степени, чем они, Россия вступила в революцию, будучи собранием целого ряда самых различных народов, об'единенных под принудительною властью государей господствующей великорусской народности. Подобно народным массам дореволюционной Англии или дореволюционной Франции, народные массы России были в значительной степени чужды чувства и сознания единой

великой нации. Подобно тому, как это в свое время было в Англии и во Франции, чувство единого общего отечества, национальное сознание, было свойственно лишь наиболее сознательным элементам общества, лишь тем слоям его, которые принимали действительное, деятельное участие в зарождавшейся национальной жизни. Таковы были представители развивавшейся русской национальной культуры: выдающиеся общественные мыслители, государственные и общественные деятели, представители российского дворянства, купечества, представители русской науки, искусства. Только они одни понимали Россию, как единую нацию. Она существовала в это время только в чувствах и понятиях этого сравнительно весьма немноголюдного круга русских людей. Остальные, еще не принимавшие участия в общенациональной жизни, продолжали жить еще прежнею жизнью обывателей различных местностей России. Они чувствовали себя об'единенными лишь местным чувством землячества. В лучшем случае, они чувствовали себя принадлежащими к той или другой из народностей или наций, которые входили в состав Российской империи. Украинец чувствовал себя украинцем и, в противоположность великороссу, назывался малороссом. Великоросс чувствовал и считал себя русским, да и то лишь в том случае, если он родился и вырос в Великороссии, в сердце Европейской России. Тот же самый великоросс, родившийся и выросший в Сибири, чувствовал себя сибиряком, и в такой степени, что считал вполне возможным противополагать себя не только великороссу, но каждому „российскому“ человеку, т.-е., любому жителю Европейской России. А этот „российский“ человек, в свою очередь, на севере чувствовал себя помором, на Дону—донским казаком, на Кубани—кубанцем, на Урале—уральцем, и т. д. И само собой разумеется, что в подавляющем числе случаев ни российский татарин, ни российский еврей, ни корел, ни чуваш, ни армянин, ни грузин, ни якут, ни башкир, ни калмык не чувствовали себя принадлежащими к какой-то несуществующей в их глазах российской национальности. О принадлежности к ней российского поляка, эстонца, литовца, латыша, финна, конечно, нечего было и говорить.

Истинное общественное самосознание народных масс, входивших в состав населения прежней Российской империи, очень хорошо определилось и выразилось в момент великой мировой войны и в первые дни революции. Русские рабочие и крестьяне, насильно оторванные от сохи и станка и призванные в ряды действующих войск, не понимали, за кого и за что их заставляют воевать. Их начальники, представители российского правитель-

ства, дворянства, купечества и духовенства, говорили солдатам, что они воюют за Россию. А революционеры, бывшие выразителями определенных общественно-групповых, классовых чувств и понятий, убеждали солдат, что их заставляют бороться за интересы враждебных им классов, что они воюют не за Россию, а за „буржуев". Сами же они, русские крестьяне и рабочие, переодетые в солдатское платье, в большинстве случаев относились совершенно безучастно не только к этой борьбе, но и к России. До чувства и понятия единого общего отечества они еще не дошли. „Что нам до России, ежели мы псковские",—говорили псковитяне. Точно так же думали и вологодцы, и новгородцы, и орловцы, и вятичи. Они еще не начали жить единою, общею жизнью России. Они еще никогда не принимали сколько нибудь деятельного и добровольного непосредственного участия в ней. Единая Россия еще не существовала в их общественных чувствах и понятиях.

Недаром первым плодом Великой Российской Революции было падение Российской империи. Это было уничтожение самодержавной власти царей, а вместе с нею и тех железных цепей, которые связывали различные земли и народности, входившие в состав Российской империи, в какое то весьма разнородное и противоречивое, искусственное целое Освобождение России от царского самодержавия было одновременно и освобождением различных народов, ее населявших, от насильственно об'единявшей их власти царей. Российская революция, в самом начале ее, неизбежно должна была привести к распадению Российской империи на ее составные части, в особенности на те, которые еще не забыли своей прежней самостоятельной жизни и считали себя самодостаточными для обособленного существования. Такова была Польша, отрезанная германскими войсками от России еще во время мировой войны. Таковабыла Финляндия, обособившаяся в самом начале революции, хотя и не без помощи тех же немцев. Таковы же были, отчасти, обособившиеся таким же образом Литва, Латвия и Эстония, а равно и некоторые другие так называемые „малые нации". Их самоопределение было провозглашено самыми крайними деятелями российской революции и осуществлено с помощью иностранных держав, стремившихся ослабить Россию. Населения этих обособившихся земель, существуя и в пределах прежней России, жили совершенно особою жизнью и не переставали обнаруживать явные стремления к самостоятельному существованию. С этими обособленческими стремлениями не могло совладать и прежнее царское правительство, стоявшее на страже единой неделимой России.

Своими насильническими действиями и своей политикой обрусения окраин оно вызывало в подчиненных малых народностях как раз противоположное действие и лишь усиление их оскорбленных национальных чувств.

Впрочем, это стремление к самостоятельному и до известной степени независимому существованию проявилось и во многих местностях России даже с чисто русским населением, которое стремилось раскрепоститься и готово было освободиться от насильнической власти российского правительства хотя бы и путем своего совершенного обособления от Великороссии. В особенности сильно сказались эти стремления в тех областях России, которые были раньше самостоятельными землями. Их стремления к самостоятельному существованию, пробудившиеся в начале российской революции, были не менее естественны, чем подобные же стремления различных французских, так называемых провинциальных наций, проявившиеся во Франции в начале Великой Французской Революции. Но когда российская революция пошла вглубь и втянула в себя широкие народные массы самых различных и отдаленных местностей России; когда Россия сделалась общим полем великой и общей гражданской войны; когда волны этой войны, то белые, то красные, стали переливаться через все житейское море русской земли, от края до края, захлестывая даже области соседних народов,—тогда общественное самочувствие и стремление населения различных русских земель стало изменяться самым существенным образом, пытаясь как бы поспеть за ходом великих событий. Уже Февральская революция, приведшая к уничтожению царского правительства и сословного строя, пробудила всю Россию и об'единила все ее население в одном общем порыве к гражданской свободе. Октябрьская революция была вызвана общественным стремлением неимущих и малоимущих народных масс к имущественному уравнению. Она об'единила их в этом стремлении вокруг коммунистической партии, вызвавшейся осуществить это общественное уравнение под флагом большевистского коммунизма. Возникшая на этой почве гражданская война расколола все население России на два враждующих стана: богатых и обеспеченных, господствовавших до сих пор, и бедных, стремившихся в настоящее время, в свою очередь, к обеспечению себя, если не к господству. На почве удовлетворения этого общественного стремления и возникла та революционная власть, которая получила свое оправдание в сочувствии к ней самых широких народных масс, смотревших на эту власть, как на свою собственную, как на „нашу власть". Эта власть, под влиянием переживаемых

великих перемен, тоже весьма быстро меняла свой первоначальный характер. Захвативши власть, ее деятели быстро перешли от провозглашения поражения отечества и гражданской войны к обороне отечества (об'явленного социалистическим) и к подавлению гражданской войны, которая грозила окончательно разрушить народную жизнь.

Великая разруха, причиненная мировою войной и революцией, повергла население всех русских земель в небывалые бедствия, которые переживались почти с одинаковой остротой по всему пространству России. Голод и стремление избежать его путем бегства в местности, богатые продовольствием, побуждали бегущих забывать о своем прежнем землячестве и искать если не новой родины, то хоть временного убежища и приюта в любой местности, где только можно как нибудь обосноваться, найти заработок и прокормиться. Северные русские земляки, спасаясь от голода, бежали на юг, на Дон, на Украйну, на северный Кавказ и в Сибирь, пока там в свою очередь не началась голодовка. Вся Россия покрылась мешечниками, людьми, путешествующими со своими мешками за продовольствием, с целью спасения от голода или с целью наживы на счет голодающих. Вся Россия стала каким то единым полем сплошного мешечничества, которое сыграло далеко не маловажную роль в деле познания российскими земляками своего великого отечества, по различным местностям которого они были принуждены путешествовать, подвергаясь всевозможным мытарствам. Но мешечничество не только способствовало познанию России ее земляками, но и имело некоторое значение и для замены прежнего узкого чувства землячества, несравненно более широкими чувствами и национальными понятиями. Мешечничество не знало никакой местной обособленности. Оно не считалось ни с какими чувствами землячества. Оно не признавало никаких местных границ и застав. Оно проникало всюду, где можно было набить свой мешок каким-нибудь продовольствием, полученным за работу или в обмен на какие бы то ни было другие предметы необходимости. Оно проникало всюду, где можно было развязать и опорожнить этот мешок, все равно, для спасения от голода или для наживы. Мешечничество проникало повсюду, несмотря ни на какие заградительные отряды. Это мешечничество часто совершенно напрасно смешивалось со спекуляцией и об'являлось настоящим государственным преступлением. Оно было обусловлено не столько стремлением некоторых спекулянтов-мешечников нажиться насчет своих ближних, сколько стремлением массовых „мешечников“, голодающих русских людей,—как нибудь раздо-

быть продовольствие, чтобы не умереть с голоду и спасти свои голодающие семьи, принесенные в жертву коммунистической авантюре и гражданской войне. Это стремление раздобыть себе продовольствие где бы то ни было, обусловившее массовое передвижение и перемещение населения России из одних местностей в другие, бесспорно оказало немалое воздействие на все прежние общественные чувства и понятия и способствовало восприятию новых понятий о России, как о едином общем отечестве. В данном отношении мешечничество имело, быть может, не меньшее значение, чем и те изменения в чувствах и понятиях народных масс, которые были обусловлены массовым передвижением войск красных и белых армий, насчитывавших в своих рядах миллионы тех же российских земляков, переносившихся повелением власти в течение целого ряда лет из одной местности России в другую без всякой остановки и отдыха, несчитаясь ни с каким расстоянием.

В этом же направлении действовала и новая одно-партийная правительственная организация, как в центре России, так и на местах, сменявшая всех прежних представителей власти, заменявшая их своими партийными людьми, вышедшими из самых различных общественных кругов, слоев, национальностей и местностей России и. в особенности, ее окраин. Призванные на должность местных представителей и организаторов новой власти на местах, столичные коммунисты, петроградские рабочие и кронштадтские матросы, рассеянные по всему пространству России, тоже не мало сделали для об'единения общественных чувств и понятий самых широких масс российского населения.

Под знаменем, так называемой, „национализации" всех средств и источников существования населения—вся Россия, во всех ее уголках, под всесокрушающим давлением новой власти, действительно, зажила единою общею жизнью. Чтобы убедиться в этом, достаточно только сравнить жизнь российских сел и городов самых различных—как ближайших, так и отдаленнейших ее местностей. Все они одинаково переживают одни и те же великие исторические события, терпят одни и те же бедствия и невзгоды. Их жители испытывают одни и те же чувства, усваивают одни и те же понятия, окончательно сливаются в единое общественное целое, которое можно назвать великою российскою нацией, порожденною этою жизнью сообща всего населения России. Этой нации не существовало еще вчера ни в чувствах, ни в понятиях широких народных масс. Многие еще не видят или не хотят признавать ее и сегодня. Но не надо быть пророком, чтобы сказать, что эта великая нация

будет признана всеми при первом же свете завтрашнего радужного дня.

Очевидно, великие народные революции имеют одинаковое социологическое значение для всех стран и народов. Нет никакого сомнения в том, что всякая, самая великая нация, как и всякая малая нация, как и всякое другое человеческое общество, бывает всегда естественным и неизбежным плодом жизни населения сообща.

IV.

Современное национальное общество и закон необходимой степени его самодостаточности.

Изучение смены различных общественных форм и переход от первоначальных маленьких полустадных обществ к более крупным племенным организациям, равно как и переход от жизни племен, разростающихся в целые народности или нации, в более сложные общественные организации, показывает какое значение имеет относительная общественная самодостаточность для существования любого человеческого общества, порождаемого самодостаточною жизнью людей сообща. Малые нации, переставая быть самодостаточными в той степени, какая необходима для их независимого самостоятельного существования, вынуждаются к общению друг с другом и постепенно становятся частями более обширного и сложного самодостаточного национального целого. Но и самые великие из существующих национальных обществ не являются вполне самостоятельными в безусловном смысле этого слова. Их самодостаточность тоже весьма относительная. И их существование точно так же определяется известною степенью относительной общественной самодостаточности, какая необходима для удовлетворения большей части потребностей их членов их собственными силами и средствами.

Современное общение между жителями самых различных стран, развитие международной внешней торговли, развитие так называемого „мирового хозяйства“, конечно, показывают весьма наглядно, что и современные великие нации далеко не самодостаточны в деле обеспечения всех потребностей своего населения исключительно его собственными средствами и силами. Возникновение и существование международных и даже мировых организаций, имеющих целью обеспечить некоторые общие потребности жителей всех стран мира, служит дальнейшим подтверждением этому. Недаром же существуют всемирный почтовый союз, международный Красный Крест и другие общественные организации

самого различного рода, имеющие подобный же международный, а отчасти и мировой характер. Недаром собираются постоянно, различные международные конгрессы, устраиваются всевозможные международные и всемирные выставки, международные состязания на чемпионат мира, и т. д. Очевидно, что современное человечество в своей общественной жизни, поскольку дело идет о передовых нациях мира, уже выходит из рамок национального общения. Очевидно, что представители современной цивилизации, стремясь к более полному удовлетворению своих потребностей, вступают в некоторых отношениях в общение международное и даже мировое. И нет никакого сомнения в том, что известная часть членов любого из современных национальных обществ, представители его передовых и образованных слоев, напр., ученые, техники, художники, артисты и проч., живут уже не только национальною жизнью, но и жизнью мировою, сообща с учеными, техниками, художниками и артистами всех других стран, образуя как бы единую мировую республику знания и искусства. Недаром многие промышленные и торговые предприятия организуются на международных началах, и даже в среде широких рабочих масс раздается клич: „пролетарии всех стран, об'единяйтесь". Развитие так называемого мирового хозяйства говорит точно так же о том, что и дни современного национального общества, в свою очередь, преходящи, как и его относительная самодостаточность. Будучи по своему составу, в сущности, уже международным, или точнее и правильнее сказать—многонародным, современное сложное национальное общество готовится уступить свое место несравненно более величественной общественной организации, которая будет иметь бесспорный и вполне определенный мировой характер. Нет никакого сомнения также и в том, что международность или провозглашаемый в наши дни интернационализм до известной степени может считаться уже пережитым явлением во всех тех отношениях, в которых жизнь людей сообща уже происходит в мировом масштабе. А это бесспорно имеет место в области науки, техники, искусства, литературы, а отчасти даже и в области современной политики и экономики.

Но значит ли это, что дни существования относительно-самодостаточного национального общества уже миновали, и что мы живем в каком то мировом, космополитическом обществе. Нет, думать так было бы большим заблуждением. Уже один тот факт, что современные интернационалисты провозглашают обобществление средств производства и обмена в форме их национализации, т. е. обобществления их в пределах национального общества, весьма показателен. Не менее показательно и пение ими

интернационала, происходящее с одновременным провозглашением ими же права на самоопределение даже малых наций. Эти факты, при достаточно внимательном к ним отношении, должны заставить многих весьма сильно призадуматься о том, насколько еще жизненно современное национальное общество. Возвращение к национальной жизни целого ряда менее значительных национальных обществ или малых наций, уже вычеркнутых многими из числа существующих исторических народностей, тоже весьма поучительно. Очевидно, даже и эти малые национальные общества еще в некоторой степени самодостаточны для относительно самостоятельной политической жизни. Очевидно, мы еще далеки от действительного слияния всех существующих человеческих обществ в единое мировое, космополитическое общество Очевидно, мы еще не можем говорить о жизни сообща всего человечества, как единого общественного существа, глашатаем которого был Огюст Конт и многие другие основатели мировых религий всего человечества. Очевидно, что до сих пор мы, собственно говоря, совершенно неправильно говорим об истории человечества, так как, в сущности, до сих пор еще дело идет об истории отдельных народов, об истории развития отдельных национальных обществ, продолжающих еще во многих отношениях в значительной степени вести самостоятельную национальную жизнь. Очевидно, что когда мы говорим о самодостаточности, необходимой для самостоятельной жизни и существования того или иного общества, нам приходится понимать эти самодостаточность и самостоятельность не в безусловном, а в весьма относительном смысле этого слова. Точнее сказать, нам приходится говорить в данном случае лишь об известной степени самодостаточности, какая необходима для относительно самостоятельного существования данного общества. А с этой относительной точки зрения самодостаточным может считаться всякое общество, всякий народ, всякая нация, раз только это национальное общество может своими собственными силами и средствами обеспечить большую часть потребностей своего населения, его внутреннюю и внешнюю безопасность и стремление к дальнейшему росту, развитию и совершенствованию. В этом отношении должно считаться самодостаточным любое самостоятельно живущее племя, хотя бы оно и находилось в некоторых сношениях с другими племенами и даже вступало с ними во временные союзы, ради обеспечения своей внешней безопасности. Подобным образом, самодостаточным должно считаться и любое самостоятельно существующее сословное или классовое национальное общество, хотя бы члены его с целью удовлетворения некоторых своих потребностей и вступали в экономическое, ре-

лигиозное или политическое общение с членами других обществ посредством торговых и иных сношений. Во всех подобных случаях решающим моментом является та степень, в какой проявляется самодостаточность данного общества. Раз оно в большинстве своих жизненных отношений и всестороннего обеспечения жизни своих членов оказывается самодостаточным, оно и должно быть признано таковым. Оно перестает быть самодостаточным и теряет право считаться таковым лишь тогда, когда силы и средства его становятся уже в весьма чувствительной степени недостаточными для удовлетворения главнейших потребностей его членов и обеспечения их жизни сообща. Ведь мы называем феодальным или капиталистическим не такое общество, в котором существуют одни лишь феодальные или капиталистические отношения. Мы знаем, что таких чисто феодальных или чисто капиталистических обществ не существует и существовать не может в действительности, так как каждое развивающееся общество наряду с господствующими общественными отношениями сохраняет пережитки прежних, остатки прошлого, а также носит в себе и зародыши будущего, проявляющиеся в различных новейших стремлениях и тенденциях настоящего. В любом феодальном или капиталистическом обществе мы видим и до-феодальные или до-капиталистические отношения и отношения крепостнические, и отношения капиталистические, более развитые и свободные общественные отношения. Но это не мешает нам называть феодальным любое общество, в котором господствуют феодальные отношения, и называть капиталистическим всякое общество, в котором господствуют капиталистические отношения. Точно таким же образом и самодостаточным мы называем такое общество, которое самодостаточно далеко не во всех, а лишь в большинстве своих жизненных отношений. Именно в этом относительном смысле и должны считаться самодостаточными те из существующих национальных обществ, которые имеют достаточно средств и сил, чтобы обеспечить свое сравнительно самостоятельное существование.

Нет никакого сомнения в том, что современное большое национальное общество, являясь по своему составу, в сущности, много-племенным или много-народным, по мере учащения общения его членов с членами других подобных же обществ, по мере развития мирового хозяйства, стремится стать составной частью несравненно более величественного мирового общественного целого. Но ведь это—только стремление, это—только тенденция, которая далеко еще не имеет преобладающего значения в современной общественной жизни. Доказательством может служить недавняя мировая война, которая заставила всех на время как бы

забыть о развитии мирового хозяйства и так ярко выявила значение самодостаточности для каждой великой нации, стремящейся к дальнейшему самостоятельному существованию.

Другим доказательством того, насколько еще далеко не пережита ступень общественности, определяемая существованием национальных обществ, служит, как сказано, та форма, в которой в наши дни осуществляется процесс обобществления, социализация. Этот процесс проявляется в различных формах, более или менее широких или узких, начиная с обобществления различных средств жизни местною сельскою или городскою общиною (муниципализация) и кончая обобществлением различных средств существования населения государством, общественною властью народа (так называемый, государственный социализм и национализация). Последнее обстоятельство, а именно, то, что социалисты и коммунисты, провозглашая себя интернационалистами, принуждены осуществлять свой социализм и коммунизм в национальной форме, т. е. в форме национализации средств производства и обмена, служит самым наглядным и убедительным доказательством того, что мы еще не переступили ту ступень общественности, которая определяется существованием так называемого классово-национального общества.

Конечно, и некоторые весьма значительные национальные общества, переставая быть самодостаточными в каких нибудь существенных отношениях, теряют возможность существовать совершенно самостоятельно, попадают в зависимость от более самодостаточных и могущественных обществ, становятся по отношению к ним в положение каких то автономных колоний. Так, одно время, до начала великой мировой войны, казалось, что Россия, попавшая в экономическую зависимость от других стран и в особенности от Германии, как бы превращается в какую то германскую колонию. Впрочем, очень часто, как это было и в данном случае, потеря необходимой самодостаточности тою или другою страной в значительной степени преувеличивается. Примером может служить та же Россия. Даже дезорганизованная в экономическом и во многих других отношениях происшедшим общественным переворотом, лишившаяся целого ряда богатейших и экономически более развитых своих окраин, Россия все же не может считаться страной, которая окончательно стала несамодостаточною для своего дальнейшего самостоятельного национального существования. Скорее наоборот, великая российская революция, заставившая народные массы населения России впервые начать жить сообща единою общенациональною жизнью, втянула их в общий круговорот общественной жизни, умножив во много раз число ее возможных деятельных участников и увеличив

таким образом ее возможные творческие силы. Конечно, потеря значительных территорий и части, хотя и чужеродного, населения все же большая потеря, но для самостоятельной жизни России достаточно и тех русских земель, какими она обладает в настоящее время. Украина, Сибирь, Кавказ и Закаспийская область, при условии возможного использования их природных богатств, могут сделать Россию самодостаточною во многих отношениях. Это—во-первых; а во-вторых,—еще неизвестно и то, насколько потеря большей части земель, оторванных от России, должна считаться действительно окончательною и безвозвратной. Дело в том, что Россия, взятая и в ее настоящих границах, при условии возможного развития ее производительных сил и благодаря раскрепощению и поднятию уровня общественной жизни ее населения, представляет собою такую громадную общественную массу, тяготение к которой, конечно, должны чувствовать весьма сильно все те малые нации, которые обособились от нее, благодаря ее военному поражению и революции. Россия обнищала, она декапитализирована,—но кто же не знает и не понимает того, что главный основной капитал любой нации есть народный труд. главные производительные силы суть рабочие силы страны. А более чем стомиллионное русское население, при условии поднятия его культурного уровня, представляет собой богатейший источник производительных сил. Правда, война, внешняя и гражданская, на время очень сильно уменьшила трудоспособность русского земледельца, рабочего и труженика любой свободной профессии. Но, ведь, период гражданской войны уже пережит. Жизнь уже возвращается в свое обычное русло и снова берет все принадлежащее ей по праву, не считаясь ни с какими внешними и искусственными препятствиями, кто бы ей их ни ставил. Спасение России заключается в под'еме трудоспособности ее населения, в развитии личной инициативы и свободного общественного сотрудничества.

V.

Общественное сотрудничество, как основа всякого общества и общественной связи людей.

Всякое человеческое общество бывает естественным плодом жизни людей сообща. А жизнь людей сообща проявляется в самых различных формах их общения друг с другом с целью совместного удовлетворения самых различных потребностей. Из этих различных форм общения главнейшим и основным бывает общение трудовое, или общественное сотрудничество, так как для большинства людей главным средством удовлетворения потреб-

ностей служат общение и труд, составляющие главнейшее содержание жизни людей. Сотрудничество людей с целью совместного удовлетворения своих потребностей бывает тоже весьма различным, смотря по тому, какое количество людей принимает в нем участие, как и с какими целями оно ведется. В некоторых случаях мы видим сотрудничество нескольких членов семьи, ведущих сообща свое хозяйство. Мы называем эту форму сотрудничества семейною и хозяйственною. В других случаях мы видим сотрудничество значительно большего числа личностей, принимающих участие в какой нибудь хозяйственной деятельности, например, в каком нибудь кооперативном предприятии производственного, распределительного или потребительного характера. Часто мы не совсем правильно называем подобное кооперативное предприятие или сотрудничество общественным. Мы называем его так потому, что в нем участвует значительное число сообществников, и оно ведется ими действительно сообща, или, как мы нередко говорим, ведется общественно. Но „сообща“ и „общественно“—это не одно и то же, как общество и известное,—хотя бы и значительное,—число его членов—точно так же не есть одно и то же. Это—во-первых. А во-вторых, дело еще и в том—с какой целью и в чьих интересах оно ведется: в частно-личных, частно-групповых или в действительно общественных. На самом деле, только то сотрудничество может с достаточным основанием быть названо общественным, которое начинается по общественному решению большинства членов данного общества, ведется их общественными силами и имеет своею целью достижение определенных общественных целей. В данном случае сотрудничество является действительно настоящим общественным делом и с полным правом может быть названо таковым. Вот именно такого рода общественное сотрудничество и лежит в основе любого должным образом организованного человеческого общества.

Простейшим примером такого общественного сотрудничества может служить любая самостоятельная племенная или поземельная соседская община, сельская или городская синойкия, члены которой сообща обеспечивают свою жизнь. Любой общий сход всех полноправных членов сельской или городской общины, любое вечевое народное собрание, безразлично, собираются ли на него соплеменники и сограждане с целью решения своих мирных дел или с военными целями, есть проявление настоящего общественного сотрудничества и самой широкой жизни людей сообща. Наиболее яркой и наглядной формой такого общественного сотрудничества может, конечно, служить политическое сотрудничество сограждан, как членов единого политического общества или гражданской общины. Это прекрасно чувствовали и понимали не только

древние мыслители, но и обыкновенные граждане древней гражданской общины. Их непосредственное и деятельное участие в общественной жизни, их общественное сотрудничество привело их к такой высокой ступени развития общественности и гражданственности, которая заставляет нас и сейчас удивляться, так как мы, по всем видимостям, еще не достигли ее. Недаром свою политическую или гражданскую общину, которую мы очень часто не вполне правильно называем демократическим или народным „государством", граждане классической древности называли „делом народным" или республикой (Res publica). Эта республика или политическая, гражданская община, действительно, была делом народным, настоящим общественным сотрудничеством граждан, живших самым напряженным образом единою жизнию сообща. Их общественное сотрудничество проявлялось и в совместном обсуждении их всевозможных общественных дел, и в их общих решениях, и в приведении этих общественных дел в исполнение их общими силами или сообща избранными общественно-должностными лицами, представлявшими собою различные органы общественной власти сограждан. Сама эта власть была ничем иным, как естественным плодом и неизбежным последствием общественного сотрудничества сограждан, которое требовало общего руководства и правильной организации, требовало организаторов и руководителей, требовало необходимых общественно-должностных лиц. В высший период развития этой древней классической гражданской общины ее общественная власть была, действительно, высшим проявлением общественного, политического сотрудничества сограждан, которые не без основания считались непосредственными и деятельными участниками верховной власти. Недаром общественные мыслители, воспитавшиеся в духе этой развитой свободной гражданственности классической древности, считали возможным называть гражданином лишь того человека, которой принимает непосредственное и деятельное участие в верховной общественной власти, обсуждающей, решающей и судебной. В новейшее время подобного же рода понятия развиваются и передовыми общественными и политическими мыслителями современного политического общества всюду, где его развитие достигает той высокой ступени гражданственности, какой в своем развитии достигла древняя гражданская община. Примером могут служить как швейцарская демократическая республика, так и англо-саксонское народоправство, всюду, где оно проявляется в достаточно развитых формах. Стоит только взглянуть на народные собрания, происходящие не только с целью обсуждения, но и с целью решения всевозмож-

ных общественных дел и непосредственного избрания общественно-должностных лиц, чтобы увидеть в общественном самоуправлении граждан швейцарских кантонов и американских штатов самые различные формы общественного сотрудничества. Оно проявляется и в местном общественном самоуправлении, сельском и городском, оно проявляется и в управлении общегосударственном. Формами его проявления служат народные собрания граждан данного местечка и общие голосования горожан, пользующихся правом народной инициативы, народного референдума, прямого избрания и отзыва своих должностных лиц. Если принять во внимание, что право народной инициативы и референдума распространяется на все вопросы общественной жизни, какие бы только ни захотелось согражданам решить сообща, то можно вполне согласиться с тем, что общественное сотрудничество, обнаруживающееся в форме народного почина и прямого народного законодательства, проявляется весьма широко и может касаться решения вопросов любой стороны общественной жизни.

Говоря об общественном сотрудничестве, необходимом для обеспечения важнейших потребностей жизни, нельзя, разумеется, не упомянуть об общественном производстве, о котором давным давно уже говорится и пишется, как о чем-то существующем и всем совершенно понятном. А между тем, поскольку дело идет о действительно общественном производстве, мы все еще живем скорее в мире воображения и фантазии, чем в мире действительности. Очень часто,—можно даже сказать, что в огромном большинстве случаев.—мы называем общественным производством нечто совершенно не соответствующее подобному определению. В этом отношении грешат даже такие выдающиеся общественные мыслители и ученые экономисты, как Карл Маркс. Так, в глазах Маркса любое крупное промышленное предприятие, фабрика или завод, в котором принуждены, нередко, против всякого своего желания, сотрудничать толпы рабочих и служащих, работающих, с целью обеспечения себе куска хлеба, на пользу частным предпринимателям, представляет собою частичное проявление общественного производства. Во всех крупных частных предприятиях мы имеем дело с невольным сотрудничеством часто очень значительного числа людей, которые работают сообща, коллективно и организованно, под общим руководством какого-нибудь единоличного или многоличного (компания) предпринимателя, под управлением и надзором поставленных этим предпринимателем лиц. В данном случае производство ведется, разумеется, коллективно. Но можно ли сказать, что оно ведется общественно? Что такое должны мы, собственно говоря, понимать под словами „обществен-

ное производство"? Социологически мы производим слово и понятие „общественный" от определения жизни сообща членов данного общества, стремящихся обеспечить ее своими совокупными силами. Всякое дело, которое является действительно их общим делом, всякое дело, которое действительно обсуждается, решается и предпринимается ими сообща, мы называем общественным делом, хотя бы оно выполнялось и не непосредственно ими самими, а особо для того ими сообща избранными общественно-должностными лицами. Так, мы называем общественными те общинные охоты и ловли, которые производятся, по решению общего собрания соплеменников и их совета старейших, более молодыми мужчинами, под общественным руководством более старых и опытных. Мы называем общественными работами те работы, которые предпринимаются по решению общего вечевого схода данной земли или самоуправляющейся поземельной общины и ведутся под управлением и руководством сообща избранных для того общественно-должностных лиц, имеющих в виду общественную пользу. Мы называем общественным делом всякое дело, обсуждаемое, решаемое и осуществляемое сообща членами данного общества, с целью обеспечения общих их интересов. Подобным же образом и общественным производством мы должны называть лишь такое, которое действительно ведется сообща, согласно общественному решению всех или, по крайней мере, по решению верховного большинства членов данного общества, ведется ими сообща непосредственно или посредством особо избранных ими для того сообща общественно-должностных лиц, долженствующих вести производство исключительно в общественных интересах. Таковым, конечно, должно быть и то общественное производство, к которому стремятся социалисты, говорящие о необходимости обобществления всех средств и орудий производства и распределения. Но такова-ли та форма, хотя коллективного и крупного, но все же частного производства, которая господствует в настоящее время? Какое основание мы имеем называть это производство общественным или народным, национальным? Очевидно, мы не имеем для этого никаких оснований, кроме того, что это крупное частное производство ведется в том и другом обществе. Но на этом основании мы можем называть все, что угодно, общественным, лишая определение „общественный" всякого действительного его смысла. К сожалению, мы поступаем так очень часто, забывая о действительном содержании того, что мы называем общественным народным, национальным. Это же в равной степени относится и к тому, что мы называем обобществлением или национализацией... Очевидно, что общественное сотрудничество в

наши дни касается области производства лишь со стороны его общественного упорядочения и надзора. А обобществление средств и орудий производства ограничивается муниципализацией и социализацией только тех крупных, рутинно и коллективно ведущихся, предприятий, которые, без вреда для их производительности, могут быть переданы из ведения частных владельцев в руки общественной власти. Однако, несмотря на то, что общественное сотрудничество в настоящее время проявляется весьма неполно в различных областях общественной жизни, все же можно сказать, что оно лежит в основе и современного общества и в основе всякой социальной связи.

Нет никакого сомнения в том, что ничто не об'единяет людей так, как об'единяет их непосредственное участие в одном и том же общем им деле. Иными словами, ничто не об'единяет их так, как об'единяет их действительное общественное сотрудничество и жизнь сообща. Жизнь сообща и общественное сотрудничество заставляют сообщественников жить одними и теми же общественными чувствами, мыслить одними и теми же общественными понятиями, порождают между ними неизбежную общественную связь и так называемую социальную солидарность. Правда, некоторые весьма известные социологи выводят эту общественную солидарность из разделения общественного труда, а не из общественного сотрудничества. Но их ошибка об'ясняется недоразумением и чрезмерно расширенным пониманием разделения общественного труда, под которым они понимают и общественное сотрудничество, смешивая эти понятия, которые строго должны быть различаемы. Дело в том, что для того, чтобы было возможно, разделение общественного труда, само собой ясно, необходимо предварительное существование неразделенного, совокупного общественного труда, т. е. того об'единения и сочетания усилий и деятельности сожительствующих людей, которое мы называем их общественным сотрудничеством. Общественное сотрудничество делает со-общественников настоящими товарищами во всяком деле, в котором они сообща и непосредственно участвуют. Оно об'единяет их, как участников одного и того же общения, об'единяет их, как людей, живущих одним и тем же общим делом. А разделение и расслоение[1]) труда, связанное с обособлением различных отраслей труда, отдельных занятий, профессий и специаль-

[1]) Расслоением труда я называю такое деление его, которое ведет не к образованию различных рядом стоящих родов и видов труда или занятий, а приводит к разделению одного и того же рода труда на труд по руководству и управлению, занимающий господствующее положение, и труд исполнительный, получающий подчиненное значение и занимающий более низкое положение. Это расслоение труда неизбежно ведет и к расслоению самих сотрудников на ряд соподчиненных слоев или рядов сотрудников господствующих и подчиненных.

ностей и с расслоением труда в области каждой из его обособившихся отраслей, неизбежно бывает одновременно обособлением самих трудящихся по различным отраслям разделенного и расслоеннаго труда Отсюда должно быть совершенно ясно само собой, что об'единение и сочетание труда об'единяет сотрудников, а разделение и расслоение труда раз'единяет их. Это знает и понимает каждый, кто достаточно знаком с неизбежными последствиями специализации в области его собственной отрасли труда. Всякая специализация, в какой-бы отрасли труда она ни происходила, неизбежно приводит специализирующихся к тому, что они начинают невольно жить не столько общими интересами данного занятия, сколько интересами своей обособившейся специальности. Вот почему представители любого занятия, любой профессии часто чувствуют себя связанными не столько тою общественною связью, которая существует между всеми со-общественниками, сколько тою более тесною и узкою общественно-групповою связью, которая связывает людей одной и той же профессии или специальности, живущих общими им профессиональными специальными интересами. Эта общественно-групповая связь и солидарность людей существует и развивается одновременно с общественною связью и солидарностью и на ее счет с первых же дней существования человеческого общества и разделения общественного труда на основании существующих естественных и общественных различий членов данного общества. На основании естественных различий возраста, пола и личных способностей труд во всяком человеческом обществе делится и расслаивается соответствующим образом между молодыми, взрослыми и пожилыми мужчинами и женщинами, сообразно их личным способностям. На основании общественных различий имущественного и правового неравенства, труд делится и расслаивается между людьми, обладающими собственными орудиями и средствами производства и не обладающими ими, между имущими, малоимущими и неимущими, образованными и необразованными, обученными и необученными, бедными и богачами.

Разделение и расслоение труда, будучи одновременно разделением и расслоением сотрудничающих, конечно, не может способствовать развитию между ними общественной связи и солидарности, порождаемой жизнью сообща и общественным сотрудничеством. Разделяя и обособляя трудящихся по отдельным занятиям и специальностям, разделение и расслоение труда действует как раз в противоположном направлении. И если между участниками разделенного и расслоенного общественного труда продолжает сохраняться некоторая общественная связь и соци-

альная солидарность, то сохраняется она потому, что, несмотря на разделение и расслоение между ними труда, они все же до известной степени продолжают быть сотрудниками, поскольку различные роды и виды разделенного и расслоенного общественного труда оказываются на самом деле лишь составными частями общественного труда, взятого в целом, лишь различными областями общественного сотрудничества, которые могут обособляться друг от друга тоже не вполне, а лишь до известной степени, так как все профессии, особые занятия и специальности всегда находятся в известной связи и взаимной зависимости друг от друга. И если можно говорить, что разделение и расслоение труда как нибудь действует на общественную связь и солидарность, порождаемую между людьми их общением в общем деле, их общественным сотрудничеством, то приходится понимать это действие в совершенно ином смысле. Дело в том, что и сотрудничество людей в отдельных обособившихся отраслях труда тоже оказывает на участников их свое обычное об'единяющее действие. Оно точно так же связывает их некоторыми узами товарищества, которое в данном случае, конечно, имеет определенный ограниченный характер, так как это сотрудничество ограничивается данной профессией или специальностью. Участники каждой подобной обособившейся отрасли труда, естественно, образуют особую трудовую группу людей, которые об'единены особою связью и солидарностью, не общественною, а групповою или общественно-групповою и слоевою. Только, если иметь в виду эту общественно групповую связь, которая порождается сотрудничеством людей в отдельных отраслях труда, и можно говорить о солидарности, как бы порождаемой разделением общественного труда. На самом деле, и в данном случае, даже и общественно-групповая и профессиональная солидарность между людьми порождается их общением, а не разобщением, их общественно-групповым сотрудничеством, а не разделением труда, которое, как сказано, может только раз'единять, а не об'единять трудящихся.

VI.

Общественные отношения и общественная группировка.

Различные формы общения и разобщения людей, происходящие в процессе их общественной жизни, порождают между сожительствующими людьми самые различные общественные отношения. Так, в области хозяйственной жизни мы видим самые различные отношения между сотрудниками, возникающие на почве различных видов разделения и расслоения труда между ними, а также на почве различного пользования жизненными средствами

и орудиями производства и распределения. Таковы, напр., производственные отношения, возникающие на почве натурального земледельческого хозяйства между свободными и зажиточными землевладельцами и их военно-пленными, обращаемыми в рабов, рабочие руки которых очень сильно требуются при наличии больших свободных земельных пространств, захватываемых различными „лучшими людьми“ племени под обработку. Таковы отношения, возникающие между свободными, но обезземеленными земледельцами, принужденными садиться на владельческие земли и становиться подневольными людьми, зависящими от землевладельцев и обязанными своим личным трудом вознаграждать землевладельца за пользование его землей и другими средствами и орудиями производства, ему принадлежащими. Таковы же и отношения, возникающие между собственниками средств и орудий современного капиталистического производства и наемными рабочими, вынужденными продавать свою рабочую силу для обеспечения себе средств существования.

В области генетической жизни, брачной и семейной, мы видим различные отношения, которые возникают на почве различных форм брачного и семейного общения людей. В области эстетической, умственной и нравственной жизни мы видим самые различные отношения, которые возникают между людьми на почве их общения с целью удовлетворения их эстетических, умственных и нравственных потребностей и соответствующих родов совместной деятельности. То же самое видим мы и в области политической жизни людей. На почве общения людей с целью упорядочения и обеспечения самых различных сторон их совместной жизни, а также на почве необходимости общей организации и управления, возникают самые различные отношения властвования и подчинения. На почве всех этих разнообразных форм общения сожительствующих людей и соответствующих общественных отношений возникает и соответствующая общественная группировка. Так, на почве трудового общения и разобщения, на почве общественного сотрудничества, разделения и расслоения общественного труда слагаются различные трудовые или профессиональные группировки трудящихся. На почве их общения брачного и семейного возникают различные семейные группировки. На почве эстетической, умственной и нравственной деятельности и общения людей возникают различные отношения и группировки учителей и учеников, верующих и их наставников. На почве общения политического, стремления людей к власти и участия их во властвовании создаются различные политические группировки, союзы, коалиции, партии, фракции и т. д.

Все эти весьма разнообразные группировки людей в более или менее сильной степени обусловливаются их естественными и общественными различиями: пола, возраста, личных способностей, общественного неравенства, имущественного и правового, различного участия, различной роли сообщественников в процессе общественного сотрудничества и разделения и расслоения общественного труда и т. д.

Разделение общественного труда и обособление различных его отраслей, занятий, профессий ведет, как сказано, к разобщению людей сообразно их специальностям. Профессии суть общественные группы, доступ в которые открыт всем, кто имеет возможность заниматься каким нибудь определенным делом или занятием. Впрочем, иногда профессии носят характер замкнутых наследственных групп. В первом случае они приближаются к открытым общественным группам, каковы классы. Во втором случае они приближаются к закрытым общественным группам, каковы сословия и касты.

1. Классы.

Класс есть открытая общественная группа, которая возникает на почве общественно-трудовых [или, как иначе выражаются, на почве экономических производственных отношений,—отношений трудящихся к средствам и орудиям производства и отношений участников производства друг к другу в самом процессе производства. Маркс с своей экономической, производственной точки зрения определяет класс, как известную совокупность личностей, группирующихся на чисто экономическом основании, т.-е. на основании только что упомянутого отношения участников производства к средствам и орудиям производства и друг к другу. На почве различных производственных отношений и слагаются, по Марксу, различные общественные классы. Таковы имущие классы феодальных и буржуазных землевладельцев и капиталовладельцев, обладающих правом собственности на средства и орудия производства и играющих роль его организаторов и руководителей. Таковы неимущие классы крепостных и пленных, сельских и городских рабочих, которые не обладают никакими средствами и орудиями производства, кроме своих собственных рабочих рук, и выполняют в процессе производства подчиненную роль исполнителей приказаний собственников орудий производства и их доверенных лиц. Но, кроме этих крайних общественных классов, имеются и промежуточные, каковы классы мелких самостоятельных тружеников, обладающих собственными средствами и орудиями произ-

водства. Таковы самостоятельные земледельцы, ремесленники и люди свободных профессий, поскольку они не находятся в зависимости от каких нибудь предпринимателей и более крупных собственников средств и орудий труда. Наконец, можно говорить и об особом классе служащих или общественно-должностных лиц, зависящих от того общественного или партийного предпринимателя, каким в известной степени является всякая сельская или городская община, равно как и всякая государственная, правительственная власть, ведущая свою общинное или государственное хозяйство с помощью своих служащих или общественно-должностных лиц. Эти лица, точно так же, как и рабочие частных предприятий, могут не обладать собственными средствами и орудиями труда кроме своих рабочих рук и голов.

Общественные классы, порождаемые трудовыми производственными отношениями, возникают вместе с новыми способами труда и исчезают с их исчезновением. Так, с применением труда военно-пленных к обработке земли победителей с помощью рабского труда возникли классы рабов и господ. С применением труда лично-обязанных обезземеленных земледельцев к возделыванию земель феодальных владельцев, появились классы крепостных крестьян и феодальных господ. С развитием ручного ремесленного производства возник класс ремесленников. Вместе с появлением машинного производства на крупного капиталистического предпринимателя возникли классы рабочих и капиталистов. Развитие общинного и государственного хозяйства и распространение общественно-должностного труда сопровождается развитием класса общественных и государственных служащих и правящего класса, пользующегося всем общественным достоянием, имея в виду свои общественно - групповые партийные интересы.

Общественные классы исчезают вместе с исчезновением породивших их форм труда и способов производства и распределения. Так, с исчезновением ручного производства на феодального властителя, вместе с исчезновением соответствующих трудовых отношений, исчезли и классы крепостных крестьян и феодальных господ. Вместе с исчезновением частного машинного производства на капиталистического предпринимателя исчезает одновременно и класс капиталистов и класс наемных рабочих. Вместе с исчезновением общинного и государственного предпринимательства и партийного хозяйничанья исчезают и классы соответствующих служащих, которыми иногда так безответственно распоряжаются некоторые политические партии.

2. Сословия и касты.

Несколько иной характер имеют те общественные группы, которые мы называем сословиями и кастами.

И в их основе точно так-же обыкновенно лежат определенные трудовые, производственные и классовые отношения участников общественного сотрудничества друг к другу и к обладанию средствами и орудиями труда.

Так, например, нет никакого сомнения в том, что основанием для существования сословия крепостных крестьян служило обезземеление прежних свободных земледельцев-общинников или собственников мелких земельных наделов, отделение земледельцев от их средств и орудий труда, необходимость обезземеленных работать на землевладельцев. То же самое можно, конечно, сказать и про сословие феодальных землевладельцев, господствовавших над обезземеленными земледельцами с помощью обладания землей и другими средствами и орудиями труда. Оба эти сословия первоначально были просто на-просто двумя классами, сложившимися на почве натурального хозяйства и имущественного неравенства, которое привело к разложению первоначальной поземельной общины и принудило обезземеленных земледельцев работать на землевладельцев. Эти два общественные класса превратились в сословия лишь тогда, когда они стали наследственными общественными группами людей, общественное положение которых было закреплено государственной властью господствующего класса. Эта власть определила состояние названных общественных групп определенными правами и преимуществами, известными обязательствами по отношению друг к другу и к себе самой, затруднила и до известной степени закрыла как вход в эти общественные группы, так и выход из них и превратила их, таким образом, из самопроизвольно сложившихся открытых общественных групп—классов имущих и неимущих — в закрытые общественные группы — сословия крепостных и господ.

Касты суть точно так же закрытые общественные группы, в состав которых входят люди определенного общественного положения и состояния. Это состояние может определяться их происхождением, рождением и расою, их родом труда, его качеством и общественным значением (труд простого земледельца, труд ремесленника, иногда презираемого, военное дело благородного воина, высокое занятие влиятельного жреца и проч.). Члены каст, подобно членам сословий, передают по наследству как

свои общественные преимущества, так и свое бесправие. В этом отношении они не отличаются от сословий. Но, кроме того, они имеют еще и некоторые другие отличия, которых сословия могут и не иметь (напр., расовые, профессиональные). Таковы касты древнего Египта и современной Индии. Касты эти суть закрытые наследственные группы людей, группирующихся по своей расе, по цвету кожи, по своему занятию, по характеру и по общественному значению своего труда и по другим признакам, передаваемым по наследству.

Касты суть закрытые наследственные группы, которые пользуются определенным общественным признанием. Вход и выход из них не допускается господствующими обычаями. А сословия суть наследственные группы, которые как бы учреждаются государственной властью, от которой зависит вход в сословия и выход из них. Классы же суть совершенно открытые общественные группы, вход и выход из которых не затрудняется никакой государственною властью, хотя наследственные преимущества (наследственность состояния и общественного положения) и в данном случае имеют большое значение.

Касты исчезают вместе с исчезновением исключительных обычаев, не позволяющих членам различных общественных групп даже входить в общение друг с другом. Сословия исчезают вместе с падением государственной власти, которая узаконяет наследственные права и обязанности людей различных общественных классов и закрепляет за ними их сословные различия. Классы, как сказано, исчезают вместе с исчезновением породивших их общественных, имущественных и производственных отношений. Профессии исчезают вместе с исчезновением общественных потребностей, вызвавших их возникновение.

Таковы главнейшие из постоянных и основных общественных групп. Но кроме этих главнейших и основных общественных групп существует множество других, имеющих весьма важное общественное значение. Таковы, напр., политические партии, трудовые союзы, всевозможные общества и организации самого различного рода и характера, служащие средством той или иной группировки членов общества, сообразно их экономическим, политическим, умственным, веровым и другим нуждам и потребностям. Эти общественные группы могут иметь характер постоянных групп, какой имеют все касты, все сословия, все классы и профессии. Но они могут быть и чисто временными группировками и организациями, образованными их участниками лишь для достижения каких-нибудь временных целей. Они могут быть созданы лишь на определенный случай. Но раз только эти

общественные группы созданы, хотя бы даже и для временных целей, они могут получить вполне определенное значение так называемых общественных или, точнее, общественно-групповых сил.

VII.

Общественно-групповые силы.

Всякое об'единение людей с целью достижения каких либо целей совокупными силами приводит к определенной группировке их. Эта группировка, хотя бы она была только временною, имеет особое и в высшей степени важное значение. Каждая подобная группа людей, об'единившихся для достижения своих общих целей своими совокупными силами, представляет собой известного рода сотрудничество и содействие, которое, благодаря разделению совокупного труда и совокупных действий между его участниками, превращается в определенную организацию сообща действующих людей. Их об'единение и организация делает их способными к единству их действий и, таким образом, превращает всю эту совокупность сообща и единодушно действующих людей в действительную общественную силу. Такою силой бывает всякая общественно-групповая совокупность личностей, будет ли она постоянная или хотя бы только временная, если только она организуется ее участниками для достижения их определенных, общих им целей и проявляется в единодушных совокупных действиях ее членов.

Общественною силой может быть любая временная или постоянная организация людей, любая организованная совокупность личностей, любая общественная группа, если только входящие в ее состав личности об'единены какими-нибудь общими стремлениями и единодушны в своих действиях. Такою общественно-групповою силой может быть любая общественная организация людей, все равно для достижения каких бы стремлений и для защиты каких бы интересов они ни организовались и к какой бы профессии или классу, к какому бы умственному направлению и вероисповеданию они ни принадлежали, и какой бы характер ни имела организованная совокупность их: будь это организация экономического характера (напр., какой-нибудь трудовой, производственный союз или общество потребителей, рабочих или предпринимателей), будь то организация верова я или умственная (напр., община единоверцев, одушевленных одними и теми же стремлениями к распространению своей веры или общество ученых, стремящихся к распространению знаний). Но

из всех общественных организаций, образующихся людьми с целью совместного достижения их общих стремлений, наиболее яркий и очевидный характер общественных сил имеют те общественные группы, которые организуются с политическими целями. Таковы бывают различные политические партии, которые специально для того и организуются, чтобы превратить те или иные совокупности людей в настоящие общественные силы. Каждая политическая партия есть некоторая общественно-групповая совокупность личностей, об'единившихся и сорганизовавшихся наиболее целесообразным образом для достижения своих политических стремлений и защиты своих гражданских прав. И чем больше число личностей входит в ее состав, чем сознательнее относятся они к своим общественно-групповым потребностям и интересам, к своим партийным задачам, к своей партийной деятельности, необходимой для достижения их партийных целей, чем лучше и целесообразнее организуются они для этого, и чем больше имеют они личных и материальных средств для осуществления своих стремлений, тем большую и более действительную общественно-групповую силу представляют они собой.

Любая общественная группа, любой общественный класс становится общественною или общественно-групповою силой по мере того, как личности, входящие в состав данной группы или класса, начинают сознавать свои общественно-групповые или классовые интересы и стремления и организоваться для достижения их. Всякая общественная группа или класс есть лишь известная совокупность людей, занимающих определенное положение в обществе и выполняющих определенную роль в процессе общественного сотрудничества и разделения общественного труда, в зависимости от своего отношения к орудиям и средствам производства. Никакой, даже самый многолюдный, общественный класс, как определенный общественный слой людей, как определенная экономическая категория, сам по себе не является действительной общественной силою. Наглядным примером может служить русское крестьянство, которое представляет собой подавляющий по своей численности класс, но, как таковой, вовсе не имеет соответствующей общественной силы. В этом отношении даже незначительная, но хорошо сорганизовавшаяся группа профессиональных революционеров, сумевших заручиться сочувствием немногочисленных рабочих, как показывает русская действительность, может временно оказаться гораздо большею общественною или, точнее, общественно-групповою силою. Я говорю — общественною или, точнее, общественно-групповою потому, что это далеко не одно и то же. Общественно-групповая сила

есть, как сказано, совокупная сила членов любой общественной группы или класса, поскольку члены данной общественной группы сознают свои общественно-групповые или классовые интересы и организуются для осуществления своих общественно-групповых или классовых стремлений. Общественно-групповая сила обусловливается общественно-групповою связью и солидарностью людей, их общественно-групповым самочувствием и самосознанием. А общественная сила людей обусловливается их общественною связью и солидарностью, их общественным самочувствием и сознанием. Общественная сила есть совокупная сила сообщественников, которые могут входить в самые различные общественные группы, классы, сословия, но, несмотря на это, все же не перестают чувствовать себя сообщественниками, считать себя соотечественниками, членами единого общества, нации или народа, организуются для обеспечения и упорядочения своей общественной жизни, как граждане, для защиты своих общенародных, национальных интересов и прав. Общественная сила есть совокупная сила сообщественников, чувствующих и сознающих себя настоящими членами данного общества (нации или народа) и действующих сообща соответственным образом. А общественно-групповая сила есть совокупная сила членов данной общественной группы или класса, поскольку они сознают свои общественно-групповые или классовые интересы и сорганизовались для защиты их. При этом, как это очень хорошо показывает, между прочим, современная русская действительность, члены различных общественных групп могут в значительной степени и не сознавать своих общих, народных, национальных, т.-е. действительно общественных интересов и не проявлять стремления к их защите. Члены самых различных общественных групп часто бывают такими гражданами, которые даже и не чувствуют себя таковыми, не сознают своих общенародных интересов и не понимают необходимости общей политической организации для обеспечения самых различных сторон жизни сообща всех членов общества, в состав какой бы общественной группы или класса они ни входили.

Различие, бесспорно существующее между общественно-групповою и общественною силою, имеет весьма немаловажное значение. К сожалению, это различие до сих пор никем не проводилось в должной степени даже в социологических работах.

Общественно-групповая сила может не только не быть силой общественной, но может стать даже противообщественною силой. Таковою противообщественною силою может сделаться лю-

бая группа людей, действующих в своих узко-групповых или классовых интересах во вред обществу или народу, во вред тому общественному целому, в состав которого входит данная группа, как его естественная часть. Настоящая же общественная сила, конечно, не может действовать противообщественно, так как она есть проявление не узко-групповых или классовых стремлений сообщественников, а их общественных интересов или выгод, как людей-граждан, хотя и входящих в состав различных общественных групп, но уже развившихся до сознания своих общих, гражданских или политических, общественных или народных интересов и стремлений, порождаемых жизнью сообща членов единого общественного целого.

Это общественное целое, которое мы называем народом или обществом, представляет собой нечто весьма сложное. Благодаря естественным и общественным различиям, существующим между его членами, и их различной роли в общественном сотрудничестве и разделении общественного труда, каждое общество неизбежно распадается на целый ряд различных общественных групп. Эти общественные группы, занимая самое различное положение в обществе, являются лишь составными частями единого, организованного, самодостаточного целого, которые существуют и сохраняют свое общественное единство, пока существует данное общество. Их общественное единство проявляется в общественных чувствах и понятиях или, иначе говоря, в общественном самочувствии и самосознании сообщественников, членов одного и того же общества или народа. Все его члены, действительно живущие одною общею жизнью, непосредственно участвующие в ней, чувствуют это, хотя и далеко не в одинаковой степени. Они чувствуют и сознают себя не только членами различных общественных групп, но и членами того самодостаточного целого, в состав которого входят эти группы.

Каждое человеческое общество, все равно, будет ли это какое-нибудь первобытное племя или более развитой народ, простейшая или сложная нация, всегда состоит из целого ряда самых различных общественных групп, которые сохраняют свое единство, пока продолжает существовать то общественное целое, в состав которого они входят. Их члены связаны друг с другом не только зависимостью различных занятий, но и общественным сотрудничеством, не только групповою, профессиональною или классовою солидарностью, но и действительною общественною солидарностью соплеменников, соотечественников, сограждан, т.-е. сообщественников. И эту общественную связь они неизбежно чувствуют, пока не перестают быть членами данного общества или

народа. Это общественное чувство неизбежно порождается их жизнью сообща, и всякое ослабление его говорит об ослаблении этой жизни сообща. Всякое ее оживление и усиление неизбежно сопровождается усилением этого чувства общественного единства и солидарности, чувства связи между всеми участниками этой жизни сообща. И чем более полною и напряженною общественною жизнью живут члены данного общества, чем более непосредственное и деятельное участие принимают они в жизни своего общественного целого, в жизни данного народа или нации, тем более чувствуют они себя действительно сообщественниками, связанными друг с другом единою общею жизнью, широким общественным сотрудничеством и разделением общественного труда, которые составляют основу любого общества и общественного строя.

Ослабление этого чувства свидетельствует об ослаблении связи между членами и частями общества, что означает разложение его на его составные элементы. Это разложение означает, конечно, конец существования данного общественного целого. Оно может существовать лишь до тех пор, пока связь между ними достаточно крепка и достаточно дает им себя чувствовать, пока входящие в состав данного общества общественные группы и личности чувствуют себя, как частицы единого целого; пока они действуют соответствующим образом к выгоде всего общества, стремясь обеспечить его дальнейшее существование и развитие. Это развитие останавливается, и существованию общества грозит конец всякий раз, когда его члены теряют чувство общественного единства, благодаря ослаблению связи между ними, что бывает, между прочим, неизбежным последствием каждой междугрупповой борьбы. Между-групповая, междуусобная борьба нередко доводит борющиеся общественные группы до потери чувства своего общественного единства, доводит общество до своего рода потери чувства общественного сознания. Эта борьба, если она ведется исключительно за групповые интересы различных групп, делает их какими-то противообщественными силами и неизбежно разрушает общество, если только его члены не придут во-время в чувство общественного сознания. В противном случае борьба кончится самоубийственным разрушением общества. Все это показывает, какое важное общественное значение имеют различные общественные группы. В зависимости от понимания их членами своих общественно-групповых и общественных интересов и стремлений, эти группы становятся то настоящими общественными, то противообщественными силами, которые приводят в движение всю общественную жизнь. Они действуют на ее ход и развитие общества в такой сильной степени, что могут уско-

рять, замедлять и даже совсем его останавливать. Они могут как охранять общество, так и разрушать его. Без должного понимания этого общественного значения различных общественных групп невозможно должным образом понять никакое общество, никакое общественное устройство, никакую общественную жизнь. Вот почему учению об общественном строе и об общественной жизни должно быть предпослано учение об общественных группах или так называемое общественно-групповое истолкование общественной жизни.

VIII.

Общественно-групповое истолкование общественной жизни.

Общественно-групповое истолкование общественной жизни можно найти в общественном учении и Аристотеля, и Макиавелли, и Гоббса, и Локка, и Монтескье, и Кондорсе, и Конта, и Спенсера, не говоря уже об общественном миросозерцании таких общественных мыслителей, как Маркс, Чернышевский, Лассаль и Энгельс. В новейшее время общественно-групповую теорию развивали многие социологи и государствоведы. Из их числа нельзя не упомянуть американцев Артура Бентли и Гента, французов Леона Дюги и Ориу. Их учение основывается на выяснении общественного значения различных общественных групп, на которые распадается каждое человеческое общество. Они понимают общественные группы, как общественные силы, и действительным соотношением этих общественных групп-сил обусловливают всякий общественный строй, всякий ход общественной жизни.

Действительно, понимание значения общественной группировки сообщественников для понимания общественной жизни не менее важно, чем понимание значения общественной самодостаточности, общественного сотрудничества, значения разделения общественного труда, общественной организации и общественного единства.

Без понимания социологического значения общественной самодостаточности мы не можем вполне понять закономерной смены различных доисторических и исторических форм человеческого общества. Без понимания социологического значения общественного сотрудничества и разделения общественного труда мы не сможем об'яснить себе должным образом происхождения и характера общественной организации и общественного строя. Без понимания социологического значения организации и строя общества мы не сможем об'яснить себе настоящего характера общественного единства.

Обратно, без понимания общественного единства мы не поймем истинного характера общественной организации и разделения общественного труда, лишь усложняющего общественное сотрудничество: не поймем общественного строя и действительного соотношения различных общественных групп, входящих в состав единого общественного целого: не поймем даже настоящего действия этих групп, становящихся действительными общественными силами лишь по мере развития общественно-группового и общественного сознания среди их членов, по мере организации их для единодушных совокупных действий.

Лишь рассекая общественную ткань на ее основные элементы, лишь вскрывая различные общественные группы, входящие в состав данного общества, лишь обнаруживая ту естественную связь, которая порождается жизнью людей сообща, общественным сотрудничеством и разделением общественного труда между членами разных общественных групп, можем мы выяснить организацию данного общества, его общественный строй. В основе его всегда лежит определенная общественная группировка, определенное соотношение групп, определенные общественно-групповые отношения сообщественников, тех мельчайших общественных единиц, которые можно назвать общественными молекулами, корпускулами или социальными атомами.

Эти мельчайшие общественные единицы, общественные личности или сообщественники своими унаследованными и приобретенными свойствами определяют характер данного общества и общественного строя, так как жизнь любого общественного целого, собственно говоря, есть не что иное, как совокупная и организованная жизнь сообща его мельчайших частиц, которые по своему общественному весу могут быть весьма различны. Некоторые из сообщественников, по своему значению в обществе, по своей роли в общественной жизни, могут быть весьма значительными величинами. Другие, наоборот, могут быть совсем незначительными. Большинство их могут считаться даже бесконечно-малыми.

Но и не имея заметного личного влияния, бесконечно-малые единицы, входящие в состав различных общественных групп, об'единяясь и организуясь, как совокупности личностей, одушевленных одними и теми же общими стремлениями, приобретают общественное значение, становятся действительною общественною силою и получают возможность влиять самым решительным образом на дальнейшую жизнь общества. Вот почему так важно изучение этих общественных сил для понимания истинных причин тех или иных перемен в жизни общества. Без разложения его

на его основные элементы и без понимания их действительного соотношения мы не можем, не имеем средств понять должным образом общественную жизнь различным образом группирующихся людей.

Эти бесконечно-малые величины, отдельные личности обыкновенных средних людей, нам только кажутся ничтожными нулями, не имеющими никакого действительного значения в общественной жизни. А на самом деле они суть именно те, правда, бесконечно - малые, величины, которые различными сочетаниями своих движений и проявлений обусловливают все явления общественной жизни. Это действительное значение бесконечно-малых величин, вполне понятное любому физику, химику и физиологу, должно быть понятным и всякому социологу, историку и политику. На это указывал еще в конце шестидесятых годов прошлого столетия Лев Толстой в одном из предисловий к своему знаменитому историческому роману „Война и Мир", говоря о дифференциале истории. Каждый, стремящийся изучать общественную жизнь должным образом, должен знать и всегда помнить, что любое общество есть не что иное, как самодостаточная совокупность личностей, живущих в некоторых отношениях единою жизнью сообща, а любая общественная сила есть не что иное, как известная совокупность личностей, об'единившихся и сорганизовавшихся для достижения своих общих целей. Каждый, изучающий общественную жизнь, должен помнить, что тот или иной уклад общественной жизни, тот или иной строй общества, является совокупностью всех тех общественных отношений, которые возникают между сообщественниками, группирующимися самым различным образом в процессе их жизни сообща—соответственно и естественным, и общественным различиям и различному участию их в общественном сотрудничестве и разделении общественного труда.

А если это так,—а это и на самом деле так и есть,—то мы можем видеть в каждом человеческом обществе известную целостную совокупность различных взаимодействующих и воздействующих друг на друга групп и личностей. А в строе и организации любого общества мы точно таким же образом можем видеть определенное соотношение этих же групп. И на самом деле любое человеческое общество, какое бы только мы ни взяли, всегда представляет собою известную совокупность и определенное соотношение различных общественных групп. Так, напр., так называемее первобытное тотемистическое общество есть некоторая самодостаточная совокупность различных тотемических групп людей различного пола и возраста, над которыми господствует

группа стариков и старейших. Родовое или племенное общество представляет собой известную целостную совокупность кровнородственных групп людей определенного числа поколений, над которыми господствует старшее поколение, группа родовых старейшин, окруженных группами зависящих от них людей, отдавшихся под их покровительство.

Простейшее территориальное общество есть совокупность групп свободных земледельцев - общинников и зажиточных владельцев земель, захваченных под обработку с помощью рабов. В его состав входят также группы обнищавших и обезземеленных, обездоленных людей, зависящих от более богатых и могущественных, которые господствуют над остальными общинниками и играют руководящую роль на общих сходах, народных собраниях и вечах. Более сложное феодализованное территориальное общество есть совокупность целого ряда различных общественных групп свободных и зависимых людей, господ, слуг и крепостных, вассалов и феодалов самых различных разрядов, крупных и мелких, над которыми господствуют наиболее могущественные феодальные властители, признаваемые всеми другими, как государи, верховные господа, суверены. Общество сословное есть самодостаточная совокупность тех общественных групп, которые известны под названием сословий. В его состав входит и господствующее сословие крупных землевладельцев, и служилое сословие дворян, и сословие закрепощенных земледельцев или крестьян, и особое жреческое сословие, или духовенство, и буржуазное сословие горожан, городских купцов и ремесленников. Национальное классовое общество есть самодостаточная совокупность общественных групп, которые мы привыкли называть общественными классами торговой, промышленной и финансовой буржуазии, классы крупных и более мелких „буржуазных“ землевладельцев, класс „мелкобуржуазных“ самостоятельных земледельцев и классы людей всевозможных свободных профессий, рабочий класс и класс частных и общественных служащих.

Все эти общественные группы, конечно, часто весьма резко различаются по своей численности, по своему положению в обществе, по своей господствующей или подчиненной роли в общественном сотрудничестве и разделении общественного труда, по своему отношению к обладанию средствами и орудиями производства, по сознательности и организованности своих членов и, следовательно, по своей общественно-групповой и общественной силе.

Общественно-групповые интересы их не только различны, но очень часто и противоречивы,—противоречивы до партивобор-

чества. Вот почему члены этих групп, несмотря на то что они суть лишь составные части одного и того же общества, нередко вступают в самую ожесточенную борьбу друг с другом за более выгодное положение в обществе, за свои общественные права и преимущества, за свое участие в общественной и политической жизни, в организации верховной власти, в общественном управлении.

Без общественно-группового анализа общественной жизни нельзя открыть тех общественных сил, которые приводят в движение общество и действуют определенным образом и на верховную правящую власть, и на всю общественную организацию, имея значение настоящих пружин для внутреннего механизма общества. На этот, в высшей степени чуткий, механизм оказывает соответствующее действие всякая группа людей, представляющая собой хоть сколько-нибудь значительную общественную силу. Деятельность различных партий, действующих обыкновенно в интересах определенных общественных групп и классов, особенно поучительна в этом отношении. Недаром все современные системы управления бывают всегда партийными системами, однопартийными или много-партийными, но всегда—партийными и общественно-групповыми. Страною правят то крупные землевладельцы, то крупные капиталисты, представители промышленного или денежного капитала, или правят ею представители мелкой буржуазии и общественная группа людей так называемых свободных профессий,—правят то одни, то другие, сосредоточивая всю верховную власть или исключительно в собственных руках, или разделяя ее с представителями других групп, вступая в общественно-политическое соглашение с ними. В одном случае мы видим однопартийное правление партий, правящих поочередно, сменяющих друг друга у кормила власти, которою самые различные партии очень склонны пользоваться, как каким-то общественным пирогом, исключительно им принадлежащим. В другом случае мы можем наблюдать союзное, соглашательское, коалиционное правление нескольких партий, вступивших друг с другом в определенное соглашение насчет совместного пользования властью и дележа общей политической добычи. В обоих случаях господство или подчиненная роль партии определяется ее общественным весом и силою, как определенной организованной совокупности людей, способных к единодушным действиям, численностью ее членов, степенью сознания ими своих интересов, средствами их организации. Чем значительнее эти средства, и чем многочисленнее ряды данной партии, тем значительнее и ее общественно-групповая и общественная сила. Но такою обще-

ственною силою, как это было уже сказано, бывают не только политические партии, но и всякие другие об'единения людей, организующихся с целью достижения своих общих целей своими совокупными силами. Общественными силами могут быть и чисто временные об'единения, союзы и организации людей, которые могут быть образованы членами самых различных общественных групп и партий ради достижения общими силами каких-нибудь чисто временных общих целей. Такою временною общественною силою был, например, в России, в 1905 году, знаменитый Союз союзов, образованный самыми различными общественными организациями для борьбы с царским правительством за политические права посредством всероссийской всеобщей политической забастовки. Такою же временною общественной силой был перед настоящею революцией так называемый прогрессивный блок, политический союз, организованный представителями различных противоправительственно-настроенных общественных групп и партий с целью борьбы с черной опасностью. Такою временною общественною силою было и временное об'единение общественных групп и партий, поддерживавших коалиционное временное правительство. Их общественно-групповые интересы были весьма противоречивы, а потому и их временное соглашение и об'единение было весьма непрочным. Такою временною общественною силою пытался стать и так называемый „Союз Освобождения Родины", образовавшийся из самых различных общественных элементов, об'единившихся для борьбы с революционным правительством господствующей партии, захватившей верховную власть. Такою общественною силою в свое время была в Англии лига борьбы за уничтожение хлебных пошлин. А во Франции подобною же временною общественною силой был республиканский союз, основанный различными передовыми политическими партиями для борьбы с французской черной опасностью, с французским клерикализмом. Подобною же общественною силою в Соединенных Штатах Америки был союз популистов и лига борьбы за народные права, за введение в Американский союз демократической системы правления по образцу швейцарской, и проч.

Всякая общественная группа, образованная достаточным числом людей, организующихся для определенного воздействия на общество и на общественную власть и обладающих необходимыми для этого средствами воздействия, всегда оказывается действительною общественною или, по крайней мере, общественно-групповой силой, которая оказывает соответствующее давление на власть. Это давление, которое оказывается на власть, на любое правительство, различными общественными группами—

силами, принуждает правительство с ними считаться и делать им необходимые уступки из чувства собственного самосохранения. В этом отношении нет исключений из общего правила, и самое могущественное правительство, если только оно достаточно благоразумно и дальновидно, всегда считается с так называемым общественным мнением, которое обыкновенно есть не что иное, как мнение господствующей или господствующих общественных групп. Это еще более касается правительства менее сильного, которому еще более приходится действовать под постоянным давлением самых различных общественных групп—сил, стремящихся воздействовать на правительство всеми возможными средствами. Опыт российского Временного Правительства может служить в данном отношении самым поучительным примером. Достаточно вспомнить, как принуждено оно было изменять свою политику под давлением различных общественно-групповых сил, и как оно было, в конце концов, раздавлено наиболее сплоченною, организованною и решительною партией, сумевшей во-время использовать чувства народных масс, не удовлетворенных осторожною политикою Временного Правительства.

Всякое правительство чувствует на себе давление всех общественных групп, которые способны проявить на нем свою общественно-групповую силу. Всякое правительство должно считаться с общественно-групповыми интересами управляемых, поскольку последние представляют собою общественную силу. Из этого правила не делается исключений. Прежнее царское правительство, поддерживаемое всероссийским дворянством, принуждено было считаться не только с интересами крупного дворянского землевладения, но и с интересами крупной промышленности, с сельскою и городской буржуазией, с городскими рабочими и с интеллигенцией, с самою разношерстною группой людей различных свободных профессий. Царское правительство тоже готово было, для борьбы с передовыми общественными групами, искать себе сочувствия в темных массах народа. Недаром его приверженцы организовали для его поддержки различные черносотенные союзы „русского народа“. Очевидно, царское правительство, всячески стремившееся обеспечить дальнейшее существование царской власти, не вполне полагалось в этом отношении даже на всероссийское дворянство. Условия существования российского правительства настоящего времени, конечно, совершенно иные. Однако, и правительство профессиональных революционеров принуждено считаться с самыми различными общественными группами, оказывающими на него в той или иной степени, непосредственно или косвенно, свое неизбежное влияние. Провозглашая себя правительством

крестьян и рабочих, российская коммунистическая партия принуждена, конечно, в первую голову считаться с чувствами и стремлениями этих общественных групп, в особенности с теми из них, среди которых она находит наибольшее число сочувствующих. А таковыми, кроме городских рабочих и так называемой деревенской бедноты, были и солдаты и матросы,—те же рабочие и крестьяне, оторванные царским правительством от станка и сохи. Но большинство крестьян, участвовавших в народном движении, сочувствовало социалистам-революционерам, левым в особенности. И потому правительство, организованное главарями российской коммунистической партии, первоначально принуждено было вступить в союз с левыми эсерами. Пытавшееся первоначально опираться исключительно на сочувствие городского и сельского пролетариата, правительство коммунистической партии очень скоро увидело себя вынужденным считаться не только с интересами так называемых крестьян-средняков, но и с интересами мелкой городской буржуазии, людей самых различных специальностей и свободных профессий, в особенности с интересами специалистов в области технических и прикладных знаний.

Очевидно, без достаточной общественной поддержки, без необходимой поддержки общественно-групповых сил, действительно не может существовать и никогда не существовало ни одно правительство в мире. Единственным кажущимся исключением из этого правила, на самом деле его подтверждающим, может быть лишь та самодержавная правительственная власть, существование которой обусловливается борьбой общественных групп и их взаимообессиливанием в этой борьбе. Если же межгрупповая или классовая борьба ведется при относительном равенстве борющихся групп, что делает эту борьбу бесплодною для борющихся групп и приводит их к взаимообессилению, то, конечно, этой борьбою всегда пользуется для укрепления своей власти господствующая правительственная организация, которая также представляет собою определенную и весьма хорошо организованную группу людей общественно-должностного характера. Эта группа людей, при условиях обычного хода общественной жизни, конечно, не может быть противопоставлена, как общественная сила, какому-нибудь господствующему классу или какой-нибудь другой более или менее значительной общественной группе. Но при условиях безысходной междугрупповой борьбы, борьбы сословий и классов, приводящей лишь к их взаимообессиливанию, общественно-должностная группа правителей, имеющих в своем распоряжении всю государственную машину и всю военную силу,

конечно, может временно господствовать над всеми, обессиленными этой борьбой, общественными группами и проявлять себя так, как проявляют себя все самодержавные правительства, которые и возникают всегда при подобных условиях безысходной междугрупповой или классовой борьбы. При других условиях, т.-е. при более обычных обстоятельствах общественной и политической жизни, каждое правительство, заботящееся о дальнейшем своем существовании, постоянно производит учет всех общественно-групповых сил,—как тех, которые могут служить ему поддержкой, так и тех, которые стремятся к свержению его. Первые группы оно стремится всячески поддержать, поскольку это только в его средствах и силах, а вторые оно всячески стремится для себя обезвреживать, давить и даже уничтожать, если только это возможно. Современная русская действительность может служить поучительнейшим примером подобного рода правительственной политики, самым убедительным образом показывающей, какое важное значение имеют различные общественные группы и организации в политической жизни общества. Но различные группы и организации имеют свое соответствующее значение и в других областях общественной жизни. Так, в области экономической жизни различные профессиональные и имущественные группы, борющиеся за свои имущественные и профессиональные интересы, имеют не меньшее значение, чем политические партии в политической жизни. Недаром во всех современных странах мы наблюдаем борьбу сельских хозяев и промышленников, промышленников и финансистов, арендаторов и собственников земли, хозяев и рабочих, администрации и служащих, борьбу представителей крупного производства с более мелкими „производителями", представителей более совершенной техники с владельцами технически более отсталых предприятий и даже борьбу различных профессий друг с другом, выражающуюся в столкновениях различных профессиональных союзов. К этой же области относится и борьба организованных потребителей со всевозможными посредниками в распределении различных произведений сельского хозяйства, промышленности и т. д. И все группы, участвующие в этой борьбе, обращаются за содействием и за поддержкой к существующей власти, пред'являют к ней свои требования, выражают свои пожелания, влияют так или иначе, в большей или меньшей степени, на дальнейший ход экономической политики.

То же самое видим мы и в области умственной, нравственной и религиозной жизни. И тут точно так же видим мы различные группировки личностей, соответствующие определенным привычкам

и способам мышления, определенным укладам чувств и понятий, определенным системам верований, различные формы организации умов, общественного или, точнее, общественно-группового сознания и мнения. Мы наблюдаем в данном случае различные общественно-групповые интересы и противоречия, доводящие соответствующие группы до столкновений и до открытой борьбы друг с другом и с господствующею властью. Недаром она всегда так зорко прислушивается и присматривается ко всякому проявлению нравственно-волевой и умственной жизни, ко всякому новому общественному учению, ко всякой новой экономической, политической, нравственной теории, ко всякому новому верованию, ко всякой новой религиозной и даже научной системе. Всякая правительственная власть, заботящаяся о прочности и спокойствии своего дальнейшего существования, всегда учитывает соответствующее значение всех появляющихся учений и верований. Выгодные для существующей власти и потому заслуживающие ее поддержки она об'являет общественно полезными. К сравнительно безвредным для нее она относится терпимо, предоставляя их распространению относительную свободу, а несовместимые с ее интересами и стремлениями она об'являет безусловно вредными; такие подлежат всяческим преследованиям и искоренению. Но и в данном случае всякая правительственная власть принуждена считаться с общественною силою различных групп людей, воодушевленных одними и теми же чувствами и верованиями, об'единенных одними и теми же общими понятиями и убеждениями—и нередко даже им покоряться.

Это общественно-групповое влияние и давление на общественную власть имеет такое важное значение, что некоторые социологи, смотрящие на процесс властвования с общественно-групповой точки зрения, готовы об'яснять все поведение правительств исключительно одним внешним общественно-групповым давлением на власть. Такова, например, социалистическая теория американского ученого Артура Бентли, которую он называет групповым истолкованием общественной жизни. Впрочем, излагая свое общественно-групповое учение, Бентли[1]), собственно говоря, как бы развивает дальше классовую теорию Карла Маркса. Маркс в своем классовом анализе общества тоже не останавливался на двух основных общественных классах. Он, как это делает и Бентли, продолжал свой анализ классового общества

---

[1]) Об общественно-групповом учении Артура Бентли см. мою книгу: „Наука об общественной жизни", Петроград 1919 г., а также работу самого Бентли: A. Bentley The Process of Government. A study of social pressures. Chicago, 1908.

дальше, различая в его составе 4, 5 и даже 7 различных общественных классов. Далее, эти классы Маркс разлагал на меньшие составные общественные группы или подклассы. Так, напр., буржуазию он делил на три различных общественных группы: буржуазию торговую, промышленную и денежную, или финансовую. Маркс понимал не хуже Бентли, что только взаимодействием более мелких общественно-групповых сил и можно было об'яснить некоторые явления и перемены в той общественной и политической жизни, которую Маркс старался выяснить с своей классовой точки зрения. Прекрасным образчиком научного анализа классового общества Марксом в данном случае может служить его известная брошюра „Восемнадцатое Брюмера Наполеона Бонапарта". В этой работе Маркс дал блестящий общественно-групповой анализ тогдашнего французского общества. В этой, как и в других своих исторических работах, Маркс пользуется своим общественно-групповым или классовым анализом для того, чтобы должным образом вскрыть и осветить те явления общественной и политической жизни, которые могут быть поняты должным образом только с групповой, классовой точки зрения, с точки зрения общественно-групповой или классовой борьбы, составляющей, по мнению Маркса, главное содержание истории.

Подобное понимание истории, разумеется, несколько односторонне. На самом деле, конечно, труд и общение людей, а не борьба, составляют главное содержание жизни, а следовательно и истории. А борьба есть лишь неизбежный спутник общественной жизни и истории. И можно с достаточным основанием утверждать, что поступательной ход жизни человеческого общества обусловливается не борьбой, а творчеством и общением людей с целью удовлетворения их потребностей. Он обусловливается открытиями и изобретениями в самых различных областях жизни, открытиями и изобретениями новых средств и способов удовлетворения человеческих потребностей, новых возможностей использования производительных сил природы и сил самого человека. Кроме того, общественно-групповая или классовая борьба неразрывно связана со всевозможными общественно-групповыми соглашениями и, следовательно, соглашение может считаться таким же неизбежным содержанием истории, как и борьба. Но и то и другое суть лишь неизбежные спутники поступательного хода общественной жизни, а не основное ее явление. Это становится совершенно ясным каждый раз, когда мы более основательно и глубоко начинаем всматриваться в общественную жизнь и выяснять различные явления ее в их естественных и необходимых соотношениях.

IX.

Общественно-групповая борьба.

Человеческая жизнь есть удовлетворение человеческих потребностей с помощью труда и общения. Все это и составляет главное содержание жизни. Но человеческие потребности велики и даже безграничны. Они постоянно умножаются и растут. По мере удовлетворения одних, возникают другие, новые. А средства удовлетворения потребностей ограничены. Правда, люди постоянно открывают новые средства и изобретают новые способы удовлетворения потребностей. Изобретательность людей в этом отношении кажется безграничною. Однако, эти изобретения обыкновенно обусловливаются нуждою в недостающих средствах жизни. А недостаток средств жизни, в особенности при условии существования общественного неравенства в их распределении, ведет людей, нуждающихся в средствах жизни, ко всевозможным трениям и столкновениям. Приводит к борьбе, которая, подобно трению машины, не есть главнейшее явление ее движения, а лишь его неизбежный спутник,—явление первичное и необходимое, это правда, но вовсе не основное и не главнейшее. Во-истину, тому, чем является трение в машине, в общественной жизни людей соответствует борьба. Как нет и не может быть движения машины без трения, так нет и не может быть без борьбы поступательного хода общественной жизни. Но мы, пожалуй, назовем недомыслящим человеком того, кто станет утверждать, что трение есть главнейшее явление движения машины или цель его. Но разве цель движения машины и ее полезного действия есть трение? Мы считаемся с трением, как с необходимым и неизбежным явлением, но это не мешает нам всячески стремиться уменьшить его и если не вполне уничтожить, что невозможно, то, по крайней мере, хотя ослабить, насколько это только возможно, чтобы облегчить движение машины, ее свободный ход и ее полезное действие. Заботясь о наиболее полезном действии машины, мы стараемся его увеличить, уменьшив те потери ее движения и вещества, которые причиняются трением ее частей, не только задерживающим ее ход, но обусловливающим ее изнашивание.

Не наблюдаем ли мы подобного же рода явлений и в общественной жизни людей, в движении той общественной машины, какою в известной степени бывает любая общественная организация? Поучительным примером в этом отношении может служить любая партийная машина, или, как некоторые выражаются, партийный аппарат. Недаром партийные организации стали

в наши дни развития больших и могущественных партий называться машинами. В современной общественной и политической жизни эти партийные организации действительно действуют, как настоящие машины.

И в самом деле, разве партийная организация, служащая орудием достижения определенных общественно-групповых партийных целей, не представляет собой часть весьма сложного механизма, пускаемого в ход и управляемого партийным вождем или главарем, играющим роль настоящего машиниста, заправляющего всем ходом этой партийной машины с помощью своих помощников—подручных партийных деятелелей, партийных агентов и проч?. Разве партийные машины в действительности не имеют значения настоящих общественных машин—и притом значение не только машин-орудий, но и значение машин-двигателей?

Требуется поднять какую-нибудь общественную группу, напр., рабочий класс, требуется привести ее в движение. Для этого организуется рабочая партия. По мере развития и распространения своей деятельности, пропагандисткой, организационной и агитационной, она действительно приводит в движение данный общественной класс и помогает ему подняться на более высокую ступень общественной лестницы. Требуется поднять крестьянство и привести в движение широкие народные массы земледельческого населения. С этой целью организуется народная крестьянская или земледельческая партия, которая получает значение крупнейшей общественной силы, по мере об'единения в ее рядах земледельческого населения страны, организующегося для защиты своих общественных интересов и стремлений.

Подобное же значение имеет соответствующая партийная организация и для всякой другой общественной группы, стремящейся стать действительною общественною силою. Для любой группы общественно-групповая организация есть необходимейшая общественная машина, без которой она не может осуществить своих стремлений. Эта общественная машина есть необходимейшее средство и орудие их осуществления. Без соответствующей организации всякая общественная группа совершенно безоружна и не представляет собой никакой действительной силы. Вот почему можно только удивляться тем наивным людям, которые, наблюдая отрицательные стороны современной партийной жизни и партийной деятельности, наблюдая партийный эгоизм, партийное господство и эксплоатацию населения господствующею партией, а равно и эксплоатацию самих партийных организаций их собственными руководителями и вождями в своих личных целях, провозглашают, по примеру М. Я. Острогорского, недавно умер-

шего выдающегося исследователя партийной жизни и деятельности, — уничтожение современных партий и замену их чисто временными соглашениями сограждан, стремящихся сообща осуществить свои общественные стремления.

Эти временные соглашения, раз только они оказываются удачными, всегда приводят к соглашениям постоянным, а постоянные соглашения обыкновенно приводят к возникновению тех же партий. В основе каждой партии лежит известного рода общественно-групповое сотрудничество и ее устройство, ее организация обусловливается определенным разделением партийной работы между сотрудничающими членами партии (разделение общественно-группового, партийного труда). Эта партийная работа и деятельность требует соответствующих руководителей, которыми вначале обыкновенно бывают инициаторы партии. Партийная деятельность требует исполнителей их директив, их указаний, требует многочисленных партийных деятелей или агентов, разных сотрудников, распространителей партийных понятий, взглядов и чувств, требует пропагандистов и агитаторов, т. наз. „бичей“ или загонщиков партийного стада. Сказать короче и проще: деятельность любой партии требует организации той общественно-групповой машины, без которой не может обойтись ни одна общественная группа, желающая стать действительною общественною силой и должным образом приспособиться для достижения своих общественно-групповых целей и для борьбы из за них с другими группами.

Чтобы уничтожить партию, надо уничтожить не столько самые общественные группы, организующиеся партийным образом, сколько дезорганизовать и разрушить ту партийную машину, которая представляет собой внутренний, двигающий механизм любой партии. Разрушение этого механизма лишает партию всякой силы и способности к проявлению себя в действиях, практически уничтожает ее дееспособность

Для правильной деятельности любой партии, всякой общественной организации, необходима способность ее членов к единодушным действиям, необходимо их общественно-групповое сотрудничество, без которого невозможно существование никакой партии. Но партийные организации, подобно всяким другим организациям, в состав которых входят самые различные личности далеко не с тожественными интересами, тоже очень часто страдают своими внутрипартийными противоречиями интересов, противоборчеством их членов В этом отношении внутренняя партийная жизнь мало чем отличается от общественной жизни вообще. Неизбежными спутниками той и другой, можно сказать, в равной степени бывают всевозможные трения и столкновения между членами обще-

ства или партии, их борьба и соглашения. Но какой же разумный человек назовет внутрипартийное трение и противоборчество членов, их внутрипартийную борьбу, главнейшим содержанием партийной жизни и истории партии? А между тем, не так ли думают те, которые об'являют общественно-групповые трения, столкновения и борьбу общественных классов главнейшим содержанием общественной жизни и истории человечества?

Эта борьба необходима и неизбежна, потому что очень часто членам той или иной общественной группы немыслимо без борьбы отстоять себя, свои общие интересы, осуществить свои общественные стремления, защитить свои общественные права или добиться желательного общественного равноправия. Все это так. Но все же эта борьба обыкновенно есть лишь неизбежный спутник жизни, а не главнейшее ее содержание. Конечно, бывают моменты и в жизни отдельной личности, и в жизни общественной группы, как и в жизни целого общества, когда борьба на время становится действительно чуть ли не главнейшим содержанием жизни. Но кто же по этим, сравнительно редким, трагическим мгновениям станет определять характер обычного течения и содержания жизни? Оно не определяется отрицательными признаками. А борьба, как и трение, не творит жизни, а скорее разрушает ее и оказывает до известной степени задерживающее действие на ее поступательный ход.

Внутрипартийная борьба задерживает ход любой партийной машины, а классовая борьба задерживает поступательный ход общественной жизни и ее развитие, которое никогда не бывает плодом борьбы, а всегда является плодом творчества и общения людей, плодом их общественного сотрудничества.

Деятельность любой партийной машины может быть прекращена внутрипартийными трениями и столкновениями, всегда неизбежно нарушающими обычный и правильный ход организованной партийной деятельности, точно так же, как черезмерно усилившееся трение частей любой машины нарушает ее ход и не только может остановить ее движение, но даже и разрушить ее, если ремонт не исправит тех повреждений, которые причиняются трением. Точно так же дело обстоит и с организованною общественною жизнью,—с тою общественною машиною, какою является всякое общество.

Говорят, борьба за существование есть главный двигатель общественного развития и прогресса. Таково весьма ограниченное мнение так называемых социальных дарвинистов, выдвигающих пресловутую теорию благотворности борьбы за существование. Научную несостоятельность этой теории разоблачил в свое время

еще Чернышевский, бывший выдающимся представителем теории социального трансформизма [1]). Ведь с точки зрения этой теории благотворности борьбы за существование придется приветствовать и преступления и считать воровство, грабеж и насилие двигателями общественного развития и прогресса, так как все преступления суть, собственно говоря, лишь производные явления борьбы за существование, за удовлетворение различных человеческих потребностей и желаний. Ведь почти все преступления возникают на почве неравномерного распределения средств удовлетворения человеческих потребностей различными членами общества, на почве неравенства их возможностей жизни. Конечно, существуют люди, и даже весьма известные и влиятельные, которые не только оправдывают, но даже приветствуют и поощряют всякие насилия и грабежи, в том случае, если они считают эти преступления для себя выгодными. Но ведь подобного рода взгляды и понятия не имеют ничего общего со стремлениями выяснить научную истину. К тому же превратность и лживость этих понятий и взглядов сама собой всегда, в конце концов, обнаруживается, и от них отказываются даже те, кто их вначале держались, пока это было для них выгодно, пока преступления эти не совершались над ними самими.

Борьба,—это стоит повторить,—ничего не создает, но очень часто очень многое разрушает. Даже самый положительный род борьбы—борьба освободительная, борьба за народные права—приводит только к уничтожению разных, отживших свой век, прежних преимуществ господствующих классов, к разрушению устаревших общественных учреждений, старых общественных форм, служащих оковами для новой жизни. Но сама эта новая жизнь, эти учреждения и права, новые формы жизни, создаются не борьбой, а совокупным творчеством людей, которое, наоборот, замедляется борьбой, хотя бы эта борьба и была освободительной. Значение борьбы для развития и поступательного хода жизни можно назвать отрицательным в такой же степени и в таком же смысле, как и трение, происходящее между различными частями машины. Конечно, существует трение и положительное, которое делает возможным передачу движения одного колеса или одной части машины другой. Но ведь это трение совсем другого рода. Оно имеет гораздо более общего с явлением общения, чем с борьбой. В машине оно обусловливается не борьбой, а своего рода общением и сотрудничеством ее различных частей, а в обществе—общением и общественным сотрудничеством его членов. Говоря о борьбе, мы,

[1]) См. ст. Чернышевского „Теория благотворности борьбы за жизнь", помещ. в 1885 г. в журн. „Русская Мысль" за подписью „Старый трансформист".

конечно, имеем в виду не этот вид трения, а тот, который лишь задерживает движение машины, мы имеем в виду главным образом то бесполезное и вредное трение, которое всякий механик стремится всячески уменьшить, если не уничтожить вовсе.

Всякая машина может исправно действовать лишь благодаря согласному действию ее частей. И истина эта одинаково приложима как к действию любого механического двигателя, так и к деятельности любой партийной машины, любой общественной организации, которая всегда есть не что иное, как определенная система или соотношение и согласованность тех общественных групп—сил, которые являются естественными составными частями единого общественного целого, единого общественного механизма.

Действительно, разве возможна какая-нибудь общественно-групповая или партийная деятельность без необходимого для того соглашения членов данной группы или партии относительно их совокупных действий? Предварительное соглашение ее членов лежит в основе любого сознательного и целесообразного их сотрудничества. То же самое можно сказать и про общественную деятельность в самом широком смысле этого слова. И она возможна лишь при известном соглашении со-общественников, хотя бы и молчаливом, относительно их совокупных действий, так как в основе ее лежит общественное сотрудничество, которое есть лишь известный род общения людей, их трудового общения.

Но если всякая машина может правильно действовать лишь при достаточной согласованности ее частей, то и всякая общественная организация точно так же может правильно действовать лишь при согласованном действии ее составных частей. А таковыми для общества оказываются те общественные группы, которые входят в его состав. Но эту согласованность как раз и разрушают те трения и борьба, которые возникают между различными общественными группами, благодаря их общественным или, точнее, общественно-групповым противоречиям. Отсюда опят-таки становится совершенно ясным как отрицательное значение внутренней борьбы, так и положительное значение общественных соглашений для жизни общества, взятого в целом.

Конечно, дело изменится, если мы станем не на общественную точку зрения единого общего целого (племени, народа, нации, любого политического общества, живущего самостоятельною народною жизнью), а на узкую точку зрения чисто групповых интересов одной из составных частей общества. С более узкой и весьма ограниченной общественно-групповой или классовой точки зрения, борьба, происходящая внутри общества, может казаться весьма полезной и положительной, в особенности

для той обделенной и задавленной общественной группы или класса, который, кажется, может больше выиграть от этой борьбы с другими общественными группами, чем потерять в ней, или, как выражается Маркс, может ничего не потерять в ней, кроме своих цепей. Последнее утверждение, впрочем, весьма рискованное, потому что, во-первых, существуют и общие цепи, которые связывают воедино всех членов данного общества. Такою цепью служит, между прочим, само разделение общественного труда между различными членами общества. И таких цепей ни одна общественная группа и никакой общественный класс потерять не может, пока существует данное общество и общественное сотрудничество, лежащее в его основе. А во-вторых, кроме цепей, люди могут терять в борьбе и свою жизнь, а всякая общественная группа и класс состоит, ведь, из людей. Об этом, казалось, не было бы надобности и напоминать, если бы некоторые слишком уж восторженные проповедники групповой борьбы не забывали о том, что борьба есть только средство, а цель ее — обеспечение жизни. Во всяком случае, только что приведенное выражение Маркса более красноречиво, чем верно, если мы примем во внимание гибель людей, участвующих в борьбе. Происходящая при этом потеря человеческих жизней есть несомненная потеря, как и задержка борьбой всякой творческой общественной деятельности.

На этот счет сами народные массы обыкновенно думают несколько иначе, чем некоторые их вожди, говоря, что даже худой мир лучше доброй ссоры. Впрочем, и руководители общественно-групповой борьбы не всегда понимают ее значение таким ограниченным образом, который позволяет видеть в этой борьбе лишь одни положительные ее стороны. Иногда они смотрят на групповую или классовую борьбу и не с узко-групповой, а с широкой и действительно общественной точки зрения, принимая во внимание ту общественную связь, которая естественно связывает всех членов общества, все его группы, классы, как составные части единого самостоятельного, организованного общественного целого. Очевидная взаимная зависимость различных составных частей единой общественной организации есть, конечно, основное явление общественной жизни, которое было известно и хорошо понималось во все времена, даже народными массами древности. Стоит вспомнить хотя бы известную древнюю римскую басню Менения Агриппы. Стоит вспомнить о римском храме Согласия, или Конкордии, который был воздвигнут в память о том общественном соглашении, которое положило предел общественно-групповой или классовой борьбе плебеев и патрициев, грозившей самому существованию римской республики.

Впрочем, и сам Маркс, подчеркивая противоречия общественно-групповых интересов различных классов и провозглашая освободительную классовую борьбу, не забывал о том, что различные общественные классы суть лишь составные части единого общественного процесса производства. Считая основою общества общественное производство, или, как мы бы сказали, общественное сотрудничество, Маркс был убежден, что дальнейшее развитие общества обусловливается обобществлением средств и орудий производства, организацией его на чисто общественных началах, т.-е. опять-таки на началах настоящего общественного сотрудничества, превращением производства из частного предпринимательства в общественное, которое должно вестись общественною властью, в общественных интересах всех членов общества. Маркс провозглашал классовую борьбу и призывал к уничтожению классов, но он никогда не отрицал того, что классы суть составные части общества, которое не исчезает с исчезновением классов, а лишь преобразуется в общество иного устройства, с совершенно иною общественною группировкой.

Классовое устройство общества, конечно, не вечно. Оно исчезнет, в свою очередь, как исчез сословный строй его. Сословный строй исчез с уничтожением сословий, с отменою сословных прав, преимуществ и различий. Точно так же исчезнет и классовое общественное устройство с исчезновением классов, с отменой исключительного права собственности отдельных лиц на средства и орудия труда.

Но и будущее бесклассовое общество будет тоже общественно-групповым, потому что и с исчезновением классов и с обобществлением средств и орудий производства различные занятия, профессии и специальности, конечно, не только не исчезнут, но, наоборот, получат еще более важное общественное значение, которое отчасти они имеют и сейчас. С исчезновением группировки классовой, группировка трудовая, профессиональная, конечно, не только не исчезнет но, наоборот, станет основною общественной группировкой, будет настоящей основой общественного строя. И новое общество будет, в свою очередь, распадаться на различные общественные группы, но только это будет совершаться на ином основании, на основании новых форм общественного сотрудничества и разделения общественного труда. И это не будет обусловлено собственническими правами отдельных лиц на орудия и средства общественного производства, поскольку они будут действительно обобществлены. Так, по крайней мере, представляют себе дело некоторые социалисты, сторонники нового, желаемого ими, общественного строя.

Но и в новом предполагаемом обществе будут иметь главное значение те общественные группы, которые окажутся наиболее крупными и могущественными общественными силами, хотя эти группы—силы будут совсем иного рода, чем те, которые господствуют в современном классовом обществе. Различные общественные группы, хотя бы и чисто-трудовые, будут существовать и в бесклассовом обществе. И они не только будут существовать в нем, но и приходить друг с другом во взаимное столкновение. Это будет неизбежно происходить, хотя бы по той простой причине, что различные профессии и специальности не будут, конечно, развиваться совершенно равномерно и одновременно, параллельно, но будут развиваться нередко за счет друг друга, как это происходит и в современном обществе. Одни из них будут в своем развитии опережать другие. Наряду со старыми профессиями и специальностями будут возникать новые, и между теми и другими неизбежно будут происходить трения и даже борьба, если только разделение общественного труда, развитие техники, машинизма и автоматизма не дойдет до такого совершенства, а общее техническое образование до такой высоты, что настолько облегчат переход от одного рода занятий к другому, что совершенно уничтожат значение всякой специализации и сделают каждого участника этого в высшей степени сложного общественного сотрудничества каким-то универсальным гражданином, способным выполнять любую работу,—одним словом, действительным мастером на все руки. Впрочем, даже и в этом случае, даже если предположить, что современем исчезнет даже и профессиональная общественная группировка,—можем ли мы поручиться за то, что вместо ее не появится какая-нибудь иная, которая ляжет в основу новой организации общества, в основу новой, еще более сложной, формы общественного сотрудничества?

Различные общественные группы будут существовать, конечно, и в новом обществе. Будут, конечно, иметь соответствующее значение в его жизни и различные общественно-групповые интересы, выгоды, стремления, которые будут об'единять людей в определенные общественно-групповые совокупности. И эти совокупности тоже смогут—и, конечно будут—становиться различными общественными силами, которые будут действовать, в свою очередь, на ход новой общественной жизни, на новую общественную организацию и власть. Их действие будет тоже об'ясняться с точки зрения какой-нибудь новой общественно-групповой теории, соответствующей новой общественности.

После всего сказанного должно быть достаточно ясно значение общественно-групповой теории для более глубокого и

правильного понимания общества и общественной жизни. Не менее важна она и для более полного, обстоятельного и точного определения общества, состоящего всегда из целого ряда самых различных общественных групп, в состав которых входят его члены, неизбежные участники общественного сотрудничества и разделения общественного труда. И то и другое совершается на почве существующих между ними естественных и общественных различий, некоторые из которых будут иметь значение и в обществе будущего. Общественно-групповая теория не отрицает, однако, того факта, что члены одного и того же общества (самостоятельно живущего племени, народа или нации), входя в любую общественную группу, продолжают сохранять свое общественное единство, так как эти различные группы,—все равно, будут ли это касты, сословия, классы, профессии или еще какие-нибудь иные общественные группы,—всегда бывают и всегда будут лишь составными частями единого, самодостаточного, организованного общественного целого, основой которого всегда было и всегда будет та или другая форма общественного сотрудничества.

Вот почему всякое общество мы можем окончательно определить следующими словами:

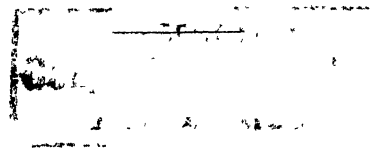
Всякое общество есть самодостаточная совокупность личностей, которые об'единены единою жизнью сообща.

Связаны общественным сотрудничеством и разделением общественного труда и единою общею организацией, необходимой для всестороннего обеспечения жизни.

Группируются на основании своих естественных и общественных различий и различного участия в общественном сотрудничестве и разделении общественного труда.

И сохраняют свое общественное единство, несмотря на вхождение в любые общественные группы, которые являются лишь естественными составными частями этого единого, самодостаточного, организованного общественного целого.

Сказать короче: Любое человеческое общество есть самодостаточная совокупность личностей, организовавшаяся в процессе всестороннего обеспечения жизни сообща.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
I. Об обществе и об общественном человеке	3
II. Относительная общественная самодостаточность (как необходимое условие возникновения, существования и исчезновения любой формы человеческого общества) . .	6
III. Великие революции и сложение великих наций	10
IV. Современное национальное общество (и закон необходимой степени его самодостаточности)	20
V. Общественное сотрудничество (как основа всякого общества и общественной связи людей)	25
VI. Общественные отношения и общественная группировка . .	32
VII. Общественно-групповые силы	38
VIII. Общественно-групповое истолкование общественной жизни .	43
IX. Общественно-групповая борьба	54

Центральный Издательский Кооперативный Союз „КООПЕРАЦИЯ“

ПРАВЛЕНИЕ: ПЕТРОГРАД, Надеждинская ул., 36, кв. 11.
КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: 1) ПЕТРОГРАД, Литейный просп., д. 53-а.
2) НОВГОРОД, Московская, 10 (бывш. Земский Книжный склад).
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО: в Москве, Сибири, Заграницей (Прага, Берлин).

Имеются в продаже следующие издания:

БРЕНДСТЕДТ, Лев Общество потребителей (организация и ведение его). Выпуск I.
Его-же. Общество потребит. Вып. II.
„ Краткие указания по счетоводству в потребит. обществах. 2 изд.
ПАЖИТНОВ, К. А. К организации общекооперативного центра.
ХЕЙСИН, М. Л. В защиту потребительской кооперации.
ЗАК, Л. С. Теория кредитн. кооперации.
ОСТРОВСКИЙ, В. В. Кооперация и городское самоуправление.
ПАЖИТНОВ, К. А. История кооперативной мысли.
ХЕЙСИН, М. Л. Исторический очерк кооперации в России.
ТАХТАРЁВ, К. М. Наука об общественной жизни (Социология).

По сельскому хозяйству:

ЕРШОВ, С. А. Об удобрении почв.
Его-же. О семенах и посеве.
„ О разведении корнеплодов.
„ Улучшение лугов и болот.
ПАНКЕВИЧ, Г. И. Польза полевого травосеяния.
Его-же. Паровая обработка почвы.
СТОЛИЦА, Е. К. Получение молока и уход за ним.
НЕМЫЦКИЙ, В. В. Чем и как питается растение.
Его-же. Рожь.
НОВОРУССКИЙ, М. В. Как я высидел цыплят.
ГЕРН, А. П. Очерки по обществ. агрономии.

Печатаются:

1) МАГАЗИНЕР, Я. М., проф. Общее учение о государстве.
2) ПАЖИТНОВ, К. А. История кооперативной мысли, ч. II.

Готовятся к печати:

1) „Кооперация и Революция“ (1917—1922). Сборник с участием. А. И. Буковецкого, А. А. Исаева, Е. Д. Максимова, А. В. Меркулова, Ф. Л. Маслова, К. А. Пажитнова, Е. П. Петрова, В. С. Филатова, Б. Р. Фроммет, М. Л. Хейсина и др.
2) „Библиотека Кустаря“, ряд выпусков; подготовлены к печати вып.: „Сухая перегонка дерева“, „Крашение тканей“, „Выпиливание и резьба по дереву“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИНИМАЕТ НА СЕБЯ выполнение заказов для кооперативных организаций, культурно-просветительных обществ, учебных заведений, научных учреждений и лабораторий и частных лиц:

1) На всевозможные печатные работы.
2) На литературу кооперативную, сельско-хозяйственную, научную, худож. и проч.
3) На подбор библиотек по различным вопросам.

ИМЕЕТ НА СКЛАДЕ:

1) Большой выбор счетоводных форм по потребительской, производит.-трудовой, сельско-хозяйственной и кредитной кооперации.
2) Большой выбор сельско-хоз. и кооперативной литературы, книг по технике и промыслам.
3) Большой выбор уч.-нагляд. пособий по вопросам естествознания и сельского хозяйства.
4) Конторские и канцелярские принадлежности.